

Лариса Малмыгина

ГРИМАСЫ
НАВЯЗАННОЙ
МОЛОДОСТИ

Вторая книга трилогии
«Неприкаянная душа»

Лариса Малмыгина
Гримасы навязанной
молодости. Вторая книга
трилогии «Неприкаянная душа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282385

ISBN 9785448384295

Аннотация

Приключения прекрасной Алисы продолжают. Волею судеб она оказывается в гареме султана Марокко Мулаи Исмаила, встречается с Лаврентием Берией и Иосифом Сталиным, за которого решает выйти маркиза, прибывшая из прошлого в Советский Союз тридцатых годов, спорит на религиозные темы с самим Сатаной. Необычайная красота героини очаровывает и демона Астарота, мечтающего во что бы то ни стало сделать возлюбленную своей женой...

Содержание

Глава 1. Альф	5
Глава 2. Жук	17
Глава 3. Покойница	28
Глава 4. Побег	39
Глава 5. Лысая гора	49
Глава 6. Новый дом	61
Глава 7. Атенаиса де Монтеспан	70
Глава 8. Назад, в будущее	80
Глава 9. Арест	92
Глава 10. Атембуй	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

**Гримасы навязанной
молодости**

**Вторая книга трилогии
«Неприкаянная душа»**

Лариса Малмыгина

© Лариса Малмыгина, 2017

ISBN 978-5-4483-8429-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Альф

Прошло несколько месяцев. Я ничего не знала о судьбе Мадима. Карлос скучал и спал целыми днями, предательски оставляя меня в гордом одиночестве. У Марго наступил брачный период, и она пропадала на улице, тщательно выбирая себе жениха. А однажды привела в дом пушистого белоснежного красавца с умопомрачительными изумрудными глазами.

– Знакомься, Альф, – ожидая моего одобрения, промяукала новоиспеченная невеста.

Альфик галантно подал солидную лапку и томно промурлыкал:

– Будьте моей мамой!

– Что? – предполагая, что ослышалась, ахнула я.

Ничего себе, снова у моих ног говорящий зверь! Не много ли чудес для одного заурядного человека? Впрочем, чему еще можно удивляться в этой жизни после того, что я пережила!

– У меня не было ласковой родительницы, – пуская одинокую слезинку, пожаловался излишне инициативный претендент на роль младшего сыночка, – бедного котенка удалили от нее в младенческом возрасте.

– Как... удалили? – не поняла я.

– Лапуля появился на свет в соседнем доме, – раздражен-

но постукивая пятой конечностью по старомодному деревянному полу, некультурно встряла в разговор Маргоша, – но злобные опекуны его несчастной матушки выбросили месячных детей во двор.

– И как же бедняга выжил? – невольно воскликнула я.

– Подвал большой, – фыркнул котик, польщенный жалостью, вспыхнувшей в глазах владелицы теплого и сытного жилища, – а кормящих мамаш и мышей в нем предостаточно.

Вздыхнув, я поставила перед влюбленными большую миску со свежими сливками, в которую они жадно окунули черную и белую мордочки, чтобы утолить голод, преследующий всех молодоженов после бессонных ночей, под завязку наполненных любовной страстью.

– Заставь зверюг смыть нечисть со своих грязных шкур, – проснулся Жемчужный, привидением появляясь у меня за плечами.

– Ему завидно, что у домовых нет таких очаровательных мехов, как у ближайших родственников тигров, – прокомментировала Марго негуманное выступление Карла Жановича, – бороду, и ту сбрил.

– Пойдем мыться! – утирая рот могучей лапкой, подмигнул Альф хвостатой суженой – Где тут лужа?

– Душ, – поправила жениха счастливица, уводя его в сторону ванной.

– Шампунь не забудьте! – крикнул им вслед призрачный

хозяин дома.

Проходя мимо зеркала, я мельком взглянула на свое отражение. Двадцатилетняя молодость не покидала моего тела.

– Любуешься? – пытаюсь материализоваться, поинтересовался Карлос.

Процесс превращения в физическую сущность не получался. Сначала у Жемчужного не стало обеих рук, затем головы, а после натуживаний и нашептываний, нижней части туловища.

– Слишком много дрыхнул, – приуныл незадачливый фокусник.

– Вот это урод! – захихикал Альфик, выруливая из моечной с любезной подругой.

– Брысь! – заорал возмущившийся фамильярностью низшего существа дух и мгновенно преобразился в любимого всеми Карлоса.

Веселая компания потопала на кухню праздновать появление свежее испеченного члена семьи, а я завалилась на диван

В семействе Смирновых что-то не ладилось. Сергей опять стал раздражаться по мелочам, ворчал по поводу и без него. Спать ложился в кабинете на жесткую тахту, объясняя это тем, что хочет подольше почитать. Неужели его снова заколдовал Повелитель Стихий? Хотя сколько можно сваливать все дурное на исчезнувшего Мадима?

Прозвенел звонок. Опрометью бросился вон из столовой

поперхнувшийся бутербродом Жемчужный, приняли благопристойный вид влюбленные кошки.

– Почему не открываешь? – прогремел кормилец, вваливаясь в квартиру и нервно засовывая в карман пиджака невестребованный ключ. – Разогревай обед!

– Сейчас, сейчас, – засуетилась я, лихорадочно убирая с обеденного стола крошки и мусор, оставленные честной компанией.

– Снова кошку притащила? – взвыл возмущенный супруг, стараясь поддать нового члена семьи концом синего тапочка.

– Мяу! – пытаюсь удрать под диван, запротестовал Альфик.

– Врешь, не уйдешь! – потрясая интеллигентными кулаками, неожиданно возликовал Серега.

Но тут некстати зазвонил сотовый. Моментально преобразившись, несостоявшийся охотник корректным голосом хорошо воспитанного директора предприятия милостиво заговорил с невидимым абонентом.

Еда стыла, но обедать Сергей не торопился. Сияя, как начищенный самовар, он пространно разъяснял бестолковому слушателю заманчивые перспективы, ожидающие его обожаемую фирму при сотрудничестве с всесильной компанией, подвластной господину Смирнову.

Наконец поток рекламного словоблудия подошел к логическому завершению: недоверчивый оппонент превратился в счастливого партнера.

– Почему суп не на столе? – недоуменно оглядывая работающую микроволновку, тотчас возмутился муж.

– Грею, – испытывая жгучий стыд за невыполненный объем работ в драгоценный и такой короткий обеденный перерыв руководящего работника, забормотала я.

Гримасничая и обжигаясь, сверхделовой супруг равнодушно поглотил блюда, приготовленные мной со священным трепетом горячо любящей жены, не чувствуя их изысканного вкуса.

– Недосолено, – буркнул важный начальник вместо банального «спасибо».

И он поднялся из-за стола, заново хватаясь за вожденный мобильник. Авторитетно выговаривая очередную порцию очередного наставления очередному подчиненному, Сергей прошел в прихожую, пытаясь одной рукой натянуть на себя, нелюбимого, элегантную легкую куртку. Оглушающе хлопнула входная дверь. Я вздрогнула и вспомнила, что надо готовить и ужин.

– Хочу жить у вас, – ласково заглянул мне в глаза белобрысый красавец, вытирая пыль с приветливой морды на дорогие колготки, которые я нацепила, чтобы сбегать за продуктами в супермаркет.

– Посмотрим, как сложатся обстоятельства, – пряча пристыженный взгляд от бедного бесприютного существа, обронила вершительница его судьбы.

– Ну что тебе стоит уговорить хозяина? Ради любимой Маргариты я пошла бы и не на это, – сладострастно вонзая когти в лайкровые икры хозяйки, вкрадчиво замурлыкала чернушка.

– Ой! – выдергивая ногу из ее цепких лапок, взвизгнула я. – Порвала!

Но дырки в лайкре не было и в помине.

– Помощь нужна? – материализовался любопытный до-мовой.

– Нет, – отмахнулась я, отчаянно соображая, что наше-го полку все-же прибыло, а потому хозяйственные сумки впредь станут тяжелее.

Весеннее солнце игриво брызнуло в глаза и заставило при-крыть их ресницами.

– Эй, лялька, заразу надо? – нагло спросил долговязый тип без возраста со смешной наколкой на руке.

Он развалился на старушечьей скамейке, несмотря на прохладный май, одетый в тонкую футболку с изображе-нием на ней оголенной длинноногой дивы.

– Лебедун, – хихикая, произвольно продекламировала я рекламу на его хилом обнаженном плече.

В детстве имя Ляля буквально сводило с ума маленькую девочку, которую так неудачно прозвали лисой Алисой. Вся-чески игнорируя свое ненавистное прозвище, эта смышле-ная девочка смекнула и начала представляться посторонним

людям данным волшебным именем, а потом, при содействии мамы и папы, ее непременно разоблачали, и она горько рыдала, спрятавшись в укромный уголок.

– Сдавай рога в каптерку, – вырастая из-под земли, рыкнул на Лебедуна бритый наголо качок, – открой полтинники, она – свиноматка.

Я призадумалась. Во-первых, оленьих украшений у каланчи явно не наблюдалось, а, во-вторых, к славному пороссячему племени госпожу Смирнову еще никто не причислял.

«Наверное, улизнули из психушки», – намереваясь идти дальше, решила я.

Недоумки с кривыми улыбками идиотов внимательно разглядывали мои лайкровые ноги.

– Двигай салазками, – неохотно оторвавшись от обзора, внезапно велел мне лысый, – по фене не ботаешь, гусыня.

– Эй вы, прекратите обижать даму! – откуда ни возьмись, возле беглецов из дома забвения появился поджарый мужичок в элегантном черном костюме.

Метнув красноречивый взгляд на неожиданного заступника, я помчалась к супермаркету, крепко-накрепко прижимая к сердцу сумочку с честно заработанными немногочисленными мужниными деньгами.

– Прекрасная незнакомка живет в нашем доме? – галантно поинтересовался Черный Костюм, внезапно вырастая у меня за спиной.

– Да, – кротко кивнула я, справедливо полагая, что нельзя дерзить тем, кто может когда-нибудь где-нибудь пригодиться.

– Давайте знакомиться, – протянул тяжелую кисть, всю в наколках, золотозубый избавитель, – меня зовут Николай.

– Алиса, – удрученно разглядывая неприхотливую живопись на исколотой иголками человеческой коже, буркнула я, – а не Ляля, как меня окрестил человек со странной фамилией Лебедун.

Собеседник подавился слюной и надрывно закашлялся.

– Вы не знаете блатного языка? – в перерывах между кашлем ласково осведомился он.

– Нет, не имею ни малейшего понятия, – брезгливо сморщилась я, всем своим видом показывая, что чрезвычайно рафинирована и фантастически далека от воровской фени.

– И, тем не менее, говорите на нем, – с интересом наблюдая за моими великосветскими ужимками, усмехнулся жулик.

– Глупости, – виртуозно изображая из себя взыскательную ценительницу классической русской речи, заупрямилась я.

Через минуту парочка прожженных полемистов, не забыв прихватить с собой неповоротливые тележки на вечно заплетающихся колесиках, вальяжно шефствовала по огромному залу супермаркета, рассеянно разглядывая горемычные полки, под завязку загруженные всевозможными продуктами питания.

– Итак, как в вашем правильном обществе зовется прибыль? – поинтересовался благовоспитанный оппонент.

– Навар, – кидая в голодную пасть коляски банку сгущенного молока, безразлично проронила я.

– А опытный преступник-рецидивист?

Мне устраивают испытание!

– Авторитет, – близоруко рассматривая дату изготовления на пакете долгоиграющих сливок, радостно провозгласила я.

– Алкоголик? – продолжал допытываться дотошный экзаменатор.

Нет ничего проще!

– Алкаш, – укладывая исследуемое изделие рядышком с предыдущим товаром, важно изрекла я.

– Деньги? – прищурился Черный Костюм.

Черт возьми! Кто же этого не знает!

– Бабки, – ощущая в груди нечто похожее на поэтическое вдохновение, возликовала я.

– Быть разоблаченным, задержанным?

Это стало походить на интересную игру.

– Влипнуть, – экзальтированная улыбка тронула мои губы.

– Продолжать еще? – пакостно хихикнул малопонятный субъект.

– Нет! – роняя на пол пакет с разрекламированным кетчупом, непроизвольно заорала я.

– То-то, – небрежно поднимая «Кальве» и швыряя его рядом с товарищами по несчастью, предназначенными на съедение ненасытным физическим телам, восторжествовал заядлый спорщик, – русский язык наполнен блатными словечками, как арбуз семечками.

– Разве ваша спутница похожа на свиноматку? – не находя оправданий развенчанному человечеству, с досады крикнула я.

Надо бы лишить его козырной карты.

– Фраера всего лишь узнали у соседей, что у прелестной женщины есть очаровательные дети, – хладнокровно пожал плечами Николай.

– А салазки? Сейчас не зима, – отлично осознавая, что лопочу что-то несуразное, брякнула я. – Да и заразы и так везде хватает с лихвой: гепатиты, СПИД, венерические болезни...

– Шутники культурно попросили вас проворнее уносить пленительные ножки подальше от страстных своих сердец, – точно кот, фыркнул лгунишка. – Чтобы из искры не возгорелось пламя.

Выплеснув запас красноречия, до самого дома мы молчали, словно набрали в рот воды. А возле подъезда новый знакомый на виду у престарелых соседусшек неожиданно поцеловал мне запястье и поклянчил о следующей встрече.

– Когда-нибудь, – отчаянно прессингуя затертые кнопки кодового замка, не желающего открывать спасительную коридорную дверь, похолодела я.

– Хорошо, – крайне обрадовался Черный Костюм и широко ощерился обомлевшим бабкам.

– Тебя нельзя отпускать одну, – разгружая сумки, нудно ворчал неблагодарный Карлос, – обязательно вляпаешься в пренеприятнейшую историю. Надо же, благородная матрона, жена директора солидного предприятия, как какая-нибудь профурсетка подцепила на улице наркоторговца Кольку Жука. Завтра об этом напишут во всех приличных газетах!

– Даже ты ботаешь по фене! – кидая в ворчуна шоколадкой, покатила со смеху я.

– Чего, чего? – игнорируя приторную плитку, стукнувшую его по разумной макушке, удивился несообразительный домовой.

Насчет переслащенной плитки я не оговорила: с некоторых пор популярный самарский шоколад резко потерял свое знаменитое качество. Возможно, поменял его на количество. Говорят, сменились хозяева фабрики.

– Мамочка принесла своему красавчику Альфику что-нибудь вкусненькое? – разевая в блаженной зевоте нежно-розовую пасть, вылез из моей стерильной постели новоявленный сыночек.

– Обязательно, – томно промурлыкала чернуха, внезапно возникая из-под мужниной подушки и ласкаясь к проголодавшемуся бойфренду.

– Тьфу ты! – с осуждением оглядываясь на влюбленную

парочку, сплюнул сквозь зубы Жемчужный. – Сначала поженитесь, прелюбодеи!

Около одиннадцати часов вечера, когда я, утомленная многочасовым бездельем, клевала носом в ожидании второй половинки, явился Сергей.

– Есть не хочу, пить не хочу, – на ходу сообщил он, закрываясь на засов в ванной комнате, – иди спать, я почитаю в твоём кабинете.

Глава 2. Жук

«Что случилось со Смирновым? – удрученно размышляла я, раскладывая гадальные карты на кухонном столе. – Неужели снова влюбился? Недаром говорят: седина в бороду – бес в ребро. Да и дети не звонят, будто у них нет матери! Племянницы иногда приходят в гости, но быстро убегают, ссылаясь на извечную занятость. Фарий и Онорина взяли отпуск и укатили во Францию, а затем поедут отдыхать в Италию. Ненужная никому бедная Алиса осталась в вакууме. Хорошо что домовой, в силу своей обязанности сторожить квартиру, не покидает незадачливую подругу. А тут еще бывший спонсор Колька Жук свалился на мои многострадалные плечи»!

Тяжко вздохнув, я решительно отложила карты в сторону и набрала телефонный номер дочери.

– Алиночка, как дела? – с ностальгией вспоминая те благословенные времена, когда наследники были неизменно с родителями, пустила слезу я.

– Потихоньку, – игнорируя мое жалкое одиночество, сосредоточенно ответила она, – укладываю сына спать.

– Моя помощь нужна? – с надеждой вякнула я.

– Справлюсь сама, – сурово произнесла продолжательница чужого рода. – Отдыхай.

– Олежек, – позвонила я младшему Смирнову, – чем занимаетесь?

– Купаем Аленку, – пробормотал он, судя по голосу, с трудом удерживая трубку между плечом и ухом.

– Помочь? – с упованием поинтересовалась я.

– Не стоит, – недовольно пробурчал первенец. – Твоя внучка – самостоятельный человечек.

– У ребят своя жизнь! – утирая предательские глаза носовым платочком, с сарказмом произнесла я. – Они уверенно выпорхнули из отчего дома, построили крепкие лодки, которые не разобьются об изменчивый семейный быт, и теперь не нуждаются в родительских деньгах и родительской помощи.

Заняться бы сейчас творчеством, написанная книга о необычайных приключениях молодой бабушки сиротливо скучала в компьютере. Я послала ее электронной почтой в два престижных издательства, но прошло несколько месяцев, а новостей от издателей не было.

– Алиса, – маленькой тучкой подплыл ко мне господин Жемчужный, – не грусти, прорвемся.

– Куда прорвемся? – стряхивая с себя унылое оцепенение, осведомилась я.

– Куда-нибудь, – опускаясь на колени и прижимаясь к моим ногам неплотной грудью банального привидения, беззаботно улыбнулся домовой.

– Что произошло с мужем? – уткнувшись в белое облако пышных волос призрачного утешителя, горько заплакала я.

– Не знаю, родная, – недоуменно развел руками Карлос. –

Возможно, он просто устал, огрубел и превратился в робота.

Еще раз всхлипнув, я встала и побрела по комнатам в поисках хоть какой-нибудь работы. Стерильная чистота заставила меня капитулировать.

Чем занять себя дальше? Читать? Как назло, забыла купить новые книги, а библиотека находится далеко. Перечитывать «Мастера и Маргариту»? В двадцать восьмой раз? К сожалению, я знаю наизусть каждую строчку обожаемого романа! Смотреть ужасную рекламу, которую иногда прерывают телевизионными передачами? Или поднадоевшие видеокассеты? Только не это! Ах да, нашла себе небольшое дельце: вынесу-ка я мусор.

Рванув на себя неуклюжую дверь, я выпала в коридор и, мурлыкая под нос попсовую песенку, помчалась к вечно голодному мусоропроводу.

– А-а-а! – заорала я, роняя пластиковый пакет с объедками на чисто выметенный пол лестницы. – А-а-а!

– Что случилось? – повыбегали на мой крик озадаченные соседи. – В чем дело?

Осторожно открыв глаза, я уставилась себе под ноги. Около них, раскинув руки в птичьем полете, лежала окровавленная Элеонора Ивановна.

В унылом казенном доме мужественный мужчина восседал возле растерянной свидетельницы и нудно задавал одни и те же вопросы: когда в последний раз видела потерпевшую,

о чем потерпевшая говорила, что потерпевшая собиралась делать вчера вечером, с кем потерпевшая встречалась и какую принимала пищу. О слове «тавтология» господин следователь, видимо, не имел ни малейшего понятия.

Я примостилась напротив непроницаемого потока непростительно дружных солнечных лучиков и, отчаянно щурясь, мечтала как можно быстрее уйти с места изодренной пытки. О том, что Элеонора Ивановна мертва, думать не хотелось.

– Почему вы молчите, Алиса Михайловна? – обиделся мент, нехотя ставя автограф на мой пропуск.

Я неприлично зевнула. Бессонная ночь, полная незабываемых впечатлений, сказалась на моем внешнем облике: мадам Смирнова постарела лет на десять.

– До свидания, – вздохнул страж порядка и тоже сладко зевнул, – приходите завтра.

– Всенепременно, – радостно закивала я, – с невероятным удовольствием.

– Кстати, я не представился, – неожиданно припомнил забывчивый капитан милиции, – Виктор Александрович Куприн, прошу любить и жаловать.

И он почтительно встал с места, провожая меня восхищенным взглядом.

А дома отсутствующую хозяйку осуждающе ждали вечно несытые рты.

– Хочу кушать! – требовал Альф, грациозно приподнима-

ясь на задние лапки.

– Котик проголодался, да и я тоже, – терлась о ноги хитрая Маргарита.

– Помоги собрать на стол, – попросила я Карлоса, сидевшего в позе великого мыслителя, – а я сварю пельмени.

– Мы будем есть их с «Кальве»? – ужаснулся Жемчужный и осторожно пощупал голову.

– С кем? – подскочил раздосадованный котяра. – Мы его не приглашали!

– В чем дело? – надевая цветастый фартук, удивилась я.

– От «Кальве» растут рога! – расстроился невежественный элементар. – Домовым не пристало носить козлиные украшения, как подавляющему большинству мужчин.

– Ерунда! – бесцеремонно встряла Марго. – Насмотрелся глупой рекламы!

– В любом случае, от этого подозрительного майонеза начинаются глюки, – не сдавался Карл Жанович. – Хочешь на черепушку корону?

– Неси из бара газированную воду! – игнорируя нелепые высказывания голодающих, приказала я фанату центрального телевидения.

– Акву минерале, которая лайв? – подавляя рвотные движения, обалдел дух.

– Что с тобой? – испугалась я и постаралась увлечь внезапно отравившееся привидение к унитазу, призывно раскрывшему долгожданному гостю белую услужливую пасть.

– В этой минералке купаются голые бабы, – пролепетал несчастный, вываливая из желудка набор из мяса и овощей, одобренный ферментами и бактериями.

– Ну, дает! – захихикала чернушка, призывая в свидетели тупости хозяина дома нахохлившегося от голода жениха.

– Что ржешь? – шмыгая носом, рассвирепел Карлос. – Ты, кошачья образина, считаешь, что купальщица пишет женьшенем и витаминами?

– Чем? – скривился безмолвствовавший доселе Альф. – Нет чтобы валерьянкой!

– А вдруг у нее грибок на пальцах ног? – свирепо предположил злосчастный пожиратель рекламы.

– Сергей снова не придет ночевать, – усаживаясь за стол, пригорюнилась я. – Он уехал в длительную командировку.

– Наша девочка до сих пор не привыкла к одиночеству? – сменил гнев на милость Карлос. – Да и не одна ты совсем.

Пугая упорной трелью, зазвонил беспардонный телефон.

– Але, – ловко схватил когтистыми лапками нетерпеливую трубку хвостатый «сыночек», – как дела?

– Хорошо, – ответили ему на том конце провода. – Пожалуйста, позовите Алису Михайловну.

– Кто это там такой вежливый? – поинтересовалась любопытная Марго.

– Жук, – мрачняя, прохрипел домовый и почесал круглый подбородок.

– Разве насекомые разговаривают? – мгновенно отсоеди-

няясь, фыркнул Альф.

– Все правильно сделал! – голосом спортивного комментатора заорал Жемчужный и дружески похлопал кота по маленькому плечу, тщательно замаскированному пушистой белой шубкой.

Но, передохнув несколько минут, неугомонный телефонный аппарат заверещал снова.

– Слушаю, – взяла трубку я и тотчас пожалела об этом.

– Говорит Николай, – пробасил недавний знакомец. – Алиса, мы должны встретиться.

– Зачем? – ужаснулась я.

– Вопрос жизни и смерти, – патетично провозгласил Черный Костюм.

– Чьей? – ахнула я.

– Вашей.

– Моей?

Опять – двадцать пять!

– Да.

Умирать было рановато, а потому я нехотя согласилась на принудительное свидание.

В уютном скверике было многолюдно. Упиваясь приходом долгожданной весны, неторопливо прохаживались небольшими группками всем недовольные по причине избытка свободного времени придиричивые пенсионеры, да, ошалев от внезапного выброса в кровь большого количества

половых гормонов, носились на роликах одинокие поджарые подростки, демонстративно выражая бесцеремонным гормонам высокомерное пренебрежение. На раскрашенной в аляповатые цвета радуги скамейке, возле самого фонтана, закинув ногу на ногу, восседал Жук и вертел по сторонам остроносой головой.

– Алиса, – обнаруживая меня недалеко, расплылся в пакостной улыбке злобный наркоторговец, – до чрезвычайности рад вас видеть.

– Ближе к делу, – с безгливостью присаживаясь рядом с насекомым, деловито потребовала я.

– Ваш муж – директор предприятия? – бессмысленно тараша на меня землистые глаза с красными прожилками, уточнил преступник.

– Ну и что? – напряглась я. – Будем обсуждать моего обожаемого супруга?

– Будем, – ухмыльнулся Черный Костюм. – Его могут замочить.

– За какие грехи? – подпрыгнула я, краем глаза замечая участливое внимание к своей скромной персоне седого благообразного старичка.

– Есть за какие, – уклончиво промямлил жулик и показал любопытному деду крепкий волосатый кулак.

– Что делать? Сообщать в милицию? – с раздражением обнаруживая, что трусливый предок потерял ко мне всяческий интерес, прохрипела я.

– Вы можете его выкупить, – засматриваясь на мою грудь, некстати обтянутую белой девчоночьей маечкой, плутовато подмигнул мошенник.

– У кого? – мысленно отдирая от себя присосавшийся взгляд сексуального маньяка, с горечью простонала я. – Впрочем, это я уже поняла. Какова цена Смирнова?

– Пятьсот тысяч баксов или любовь красивой женщины, – мерзко осклабился вымогатель.

– Мисс Вселенной? – ахнула я. – Но едва ли ваша покорная слуга сможет уговорить ее на такое самопожертвование! И кого же несчастная должна полюбить?

– Прекраснейшая из жен человеческих сидит рядом, – придвинулся ко мне негодяй, – и она обязана принадлежать мне.

Ничего себе! Очередной истекающий пеной слюной мужчина врывается в мою жизнь, заставляя круто менять ее течение! Такова плата за красоту и молодость, навязанную мне Мадимом. Долларов у Смирновых нет и в помине, остается физическое тело.

– Тебе приспичило замочить Серегу? – взяв себя в руки, по-кошачьи прошипела я, – Ясно, сейчас же позвоню капитану Куприну.

– Опоздаешь, – гадко усмехнулся мерзавец, – жизнь твоего муженька висит на волоске.

– Подумаю, – ощущая клейкую руку страха у сведенного судорогой горла, проскрежетала зубами я.

Нерасторопность российской милиции известна далеко за пределами милой Отчизны. Да и с какой стати быть ей расторопной, имея примитивные средства передвижения и крохотные подачки от правительства, гордо именуемые должностными окладами? Пропади пропадом единая тарифная сетка! Разве раздолбанный ментовский УАЗик может угнаться за мощным воровским «Мерседесом»?

– До завтра, – неожиданно вскочил со скамейки Жук. – Помни, сладенькая, гусеница будет терпеливо ждать свою бабочку!

– Понравился ли кавалер? – ехидно спросила Марго, едва я переступила порог родной квартиры.

– Что случилось? – встревоженный моим плачевным видом, бесшумно подлетел ко мне Карлос.

– Мерзавец требует половину лимона гринов или Алису Смирнову в качестве пылкой любовницы, иначе убьет ее мужа, – медленно сползая по коридорной стене, прохрипела я.

– И что же ты предпочтешь, чтобы спасти Сергея? – страшно вращая глазами, икнул Жемчужный.

– Но у нас нет таких денег! – замотала головой я.

– Почему – нет? Возьмем их у самого Жука или у его подельников, – помогая мне подняться на ноги, криво усмехнулся элементар.

– Золото ты мое, – бросаясь на шею единственному другу, зарыдала я, – золото ты мое!

– Иди отдыхать, дорогая, – подтолкнул меня к дверям спальни воздушный благодетель, – устала, наверное.

Глава 3. Покойница

Дом замер в полудреме ближе к часу ночи. До этого благоденственного времени я вертелась в одинокой постели и прорабатывала различные варианты мщения наглому наркоторговцу. Собственные невзгоды заставили забыть о смерти Элеоноры Ивановны, тело которой находилась сейчас в море. Веселая соседushка должна была жить еще долго-долго, а мгновенно угасла от чьей-то злобной руки! Внезапно скрипнула половица, легкое дуновение ветерка коснулось моих волос.

– Карлос? – плотнее закутываясь в одеяло, спросила я.

– Алиса, – проявляясь черной тенью на фоне задернутых портьер, прошептал неизвестный.

Мне стало не по себе.

– Карлос! – вскакивая на ноги, по-мышьиному пискнула я.

– Не кричи, – попросил меня сдавленный голос, будто пробивающийся сквозь пуховую подушку.

– Кто вы? – пробормотала я, повинувшись просьбе незнакомца. Или незнакомки.

– Соседка, – едва прошелестело возле моего уха, – Элеонора Ивановна.

– Ее убили, – покачала головой я.

– А душа, слава Богу, жива, – продолжало нашептывать привидение.

– Чем я обязана приходу дорогой гости в столь неурочное время? – постепенно успокаиваясь, преувеличенно вежливо поинтересовалась я.

– Самое время для покойников, – хмыкнула тень и неторопливо приблизилась к собеседнице.

– Так кто же лишил вас жизни и за что? – с содроганием отодвигаясь от холодной пустоты, оставшейся после материального существа, настороженно уточнила я.

– Лебедун, – пожаловалась бывшая соседка, – чтобы обокрасть. Лысый амбал, похожий на невысокий шкаф, позвонил в дверь и сказал, что меня дожидается на лестнице Игорь Иннокентьевич. Я и вышла. Только названного товарища там не оказалось, а возле мусоропровода жертву поджидал убийца.

– Как он выглядел? – резво осведомилась я.

– Скелетообразный великан, – уныло промолвил вакуум.

– Что у вас украли? – проникаясь острой жалостью к горемычному призраку, величественно изрекла я.

– Редчайшие драгоценности, доставшиеся по наследству от прабабушки, которая служила фрейлиной у матушки императрицы, – по-детски всхлипнул фантом.

– Вы – дворянка! – от неожиданности присвистнула я. – А кто такой Игорь Иннокентьевич?

– Возлюбленный, – тяжело вздохнула любвеобильная старушка, – фамилия его Евсеев. Хитрый дед и навел грабителей на мои сокровища, которые в настоящее время лежат

у него в комодe по адресу...

И она назвала место хранения краденого добра.

Грохот падающего стула заставил нас повернуть головы к двери. Возле нее стояли члены моего семейства, то бишь Карлос и кошки и, округлив глаза, с ужасом взирали на говорящее привидение, которое, проигнорировав непрошенных зрителей, спокойно опустилось на пол и грустно прошептало:

– Пять лет назад, похоронив сына и дочку, разбившихся в авиакатастрофе, осталась я одна на всем белом свете, Алисонька, а в ближайшее время смогу уйти к своим близким лишь в том случае, если ты найдешь мои сокровища и, продав их, поможешь нуждающимся в средствах людям. Знаю, что ты все сделаешь правильно.

– Хорошо, – буркнула я, с удивлением наблюдая постепенное исчезновение выходца с того света.

Так тает мороженое в микроволновой печи.

Утро выдалось холодным и пасмурным. Накрапывал мелкий осенний дождичек, прохожие облачились в демисезонные одежды, нацепили на макушки всевозможные головные уборы. И это май! Средняя полоса России не видит настоящей весны, да и лета у нее практически нет: месяц-два, не больше. Впереди замаячила аптека, я ввалилась в ее зияющую пустоту и подошла к прилавку. Необходимо было купить несколько препаратов, которые должны постоянно на-

ходиться в любой уважающей себя домашней аптечке. Сверкающая витрина учреждения, призванного служить здоровью нации, напоминала элитный бутик, в котором отовариваются лишь немногочисленные высокооплачиваемые слои населения. Худенькая бабушка переминалась с ноги на ногу возле высокомерных медикаментов с немыслимыми для нее ценниками и сморкалась в мятый платочек. Рядом с ней прилегла юная мама с очаровательным малышом на руках.

– Доченька, сколько стоит это лекарство? – поинтересовалась старушка, трясущимися руками перебирая скудную мелочь в потрепанном кошельке из кожзаменителя.

– Шестьсот пять рублей, – равнодушно проронила смазливая девица в белом халате.

– Сколько? – оживилась седовласая потребительница, торопливо пряча домик для грошиков в карман ветхого допестроевского пальто и отодвигаясь от ощерившегося кассового аппарата на безопасное расстояние.

Юная мама тоже достала портмоне и порылась в нем с интересом кладоискателя.

– Пойдем домой, – шепнула она малышу, с любопытством заглядывающему в обшитую бисером сумочку, приобретенную у не платящих налоги вьетнамцев, нагло захвативших опустевший отечественный рынок, – бабуля напоит нас травами и мы выздоровеем.

Из солидарности с присутствующими не купив ничего у спекулянтов, сколачивающих себе баснословные состоя-

ния на людских бедах, я вышла на улицу и потопаала к остановке маршрутного такси, чтобы помчаться на свидание с незабвенным Виктором Александровичем. Около ближайшего магазина стояла та самая старушка, которая пыталась приобрести в российской аптеке необходимое ей лекарственное средство. Она уныло ковырялась в своем выдавшем виды кошельке, пытаясь выудить из него мятый червонец.

– Возьмите, – сунула я ей в руки новую тысячерублевую купюру, на которую хотела купить себе необыкновенно дорогой крем «Виши».

– Спасибо, доченька, – заплакала бабушка, пытаясь разглядеть из-под дряхлых очков с обломанной дужкой так нужную ей денежку.

– На здоровье, – отчаянно хлопая ресницами, чтобы не пустить непрошеную слезу, ослепительно улыбнулась я.

Однажды, в программе «Доброе утро», на первом канале телевидения интервьюировали пресыщенную элегантную матрону, скопившую капиталы на аптечном бизнесе, то есть на горьких слезах и безвременных смертях соотечественников.

– А сейчас наша уважаемая гостья посоветует как купить необходимые лекарства пенсионерам и малооплачиваемым слоям населения на их более чем скромные пенсии и зарплаты, – сияла очаровательной улыбкой ведущая.

– Грабить аптеки, – наполняясь классовой ненавистью к бизнес-леди, прошипела я.

– Если вы не приобретете дорогие препараты, – игнорируя вопрос телепрелестницы, сосредоточенно выдала мадам, – то потом потратите еще больше, чтобы восстановить здоровье.

– Ценный совет! – почему-то обрадовалась обворожительная интервьюерша.

– Черт возьми, – наливаясь возмущением, прошептала я, – а на какие шиши покупать беднякам таблетки по цене золота? Воровать?

– Скоро снова подорожают лекарства, – бодро сообщила российский народ другая телевизионная программа, повествующая о том, как чрезвычайно сильно задыхается страна без дорогостоящего оборудования, дабы выпускать более качественные препараты, учить новичков и...

– И набивать нехилые карманы вожденной капустой, – добавил солидарно обозлившийся Карлос.

Капитан Куприн восседал за столом, заваленным разнообразными бумагами, и старательно перекладывал их с места на место.

– Здравствуйте, – сказал он гостье, мельком бросая взгляд в ее сторону.

– Добрый день, – кивнула я, присаживаясь без приглашения на казенный стул.

– Что скажете? – наконец-то удостоив вниманием ненавязчивую посетительницу, поинтересовался мент.

– Погода неважная, – тщательно обдумывая, как поведать следователю о ночном посещении Элеоноры Ивановны и сообщении покойницы значимых сведений, касающихся ее убийства, непроизвольно проронила я.

– Да уж, – нахмурился собеседник, стрельнув стремительными глазами в сторону окна.

И тут внезапная мысль обожгла мой мозг, напряженный от поиска приемлемых вариантов спасительной лжи.

– Дело в том, что ваша покорная слуга обладает экстрасенсорными способностями, – набрав в легкие как можно больше воздуха, вдохновенно выдала я, – так вот, я знаю кто убил соседку.

Надо же, как здорово я придумала!

– Что? – подскочил с насиженного места служитель порядка. – Вы бредите?

– Ее прикончил Лебедун при содействии лысого шкафа и возлюбленного! – истерично вскричала я.

– Ясно, – покачал головой Виктор Александрович. – Надо вызывать «скорую».

– Не надо, – не согласилась с ментом я. – Хотите знать все?

И предприимчивая фантазерка, пыхтя и путаясь в словах и предложениях, поведала бравому капитану про несметные сокровища госпожи фрейлины, татуированного ффраера с другом и комод господина Евсеева.

О, сколько восторженного внимания было во взоре человека в погонах! Я упивалась этим вниманием и думала о том,

что экстрасенсом быть очень даже приятно.

– Спасибо, большое спасибо, Алиса Михайловна, – защелкнул райской птичкой благодарный слушатель, – до скорого свидания.

– Мы еще встретимся? – ретиво направляясь к выходу, изумилась я.

– И не раз, – промурлыкал Куприн и схватился за телефонную трубку.

А около подъезда, пыхтя сигаретой, меня поджидал Жук.

– Пятьсот тысяч баксов или любовь? – загородил он мне дорогу, не догадываясь о том, что я только что играючи разоблачила шайку опасных преступников.

– Грины, – высокомерно фыркнула я и попыталась благополучно скрыться за бронированной дверью.

– Ого! – выронил курево из пальцев мошенник. – Ничего себе!

К дому подъехала неуклюжая газелька, из кабины выпали озабоченные люди и стали вытаскивать из кузова тело несчастной Элеоноры Ивановны.

– Приехали! – закричали сверху, и топот множества ног прогремел вниз по коридору.

Распахнулась входная дверь, и толпа друзей да просто знакомых шумно вывалилась на свежий воздух за прибывшей хозяйкой опустевшей квартиры.

Вымогатель поспешно натянул на лоб воровскую кепку и скрылся в неизвестном направлении, а я побежала к лифту.

ту, избегая встречаться глазами с деловитой женщиной, безбоязненно вцепившейся в плоскую доску с безучастным трупом мудрой наставницы. Той храброй женщиной была небезызвестная Верка Хряпунко.

– Пойди простись с соседкой, – велел Карлос, когда мы мирно восседали перед телевизором и смотрели рекламу, прерываемую очередным мыльным сериалом, – завтра похоронят болезнь.

– Ты принесешь деньги, чтобы спасти нас? – в очередной раз спросила я впавшего в ступорозное состояние друга.

– Разве не слышала, что они дома? – всем своим видом показывая, что не намерен отвлекаться от боготворимого занятия, недовольно передернул плечами Жемчужный.

– В чьей квартире? – давась слюной, подпрыгнула на месте я.

– В нашей, – захихикал дух, любуясь шикарной грудью певички из группы «Блестящие», демонстрирующей ее бананам и кокосам в апельсиновом раю.

– Покажи, – стараясь щелкнуть пультом, чтобы выключить стриптизершу, зашипела я.

Скорчив кислую мину, домовый все-же оторвался от аппетитных полушарий кокетливой брюнетки, обреченно подплыл к прихожке, вынул из ее пасти полиэтиленовый мешок и высыпал на ковер кучу перетянутых резинками пачек с вожаделенными долларами.

– Ура! – наливаясь буйной радостью, заорала я. – Да здравствует свобода!

– Завтра паук получит свои же денежки от прекрасной блондинки в качестве выкупа или я что-то не понял? – озирая невиданное богатство с недоумением завязтого дилетанта, промяукал Альф.

– Спасибо, – поцеловала я в щечку доброго волшебника и лихорадочно бросилась собирать с пола спасительное содержимое невзрачного черного пакета.

Наутро, превосходно выспавшись, я неохотно побрела в соседнюю квартиру проститься с телом усопшей. Оно скромненько лежало в гробу и молчало. Рядом с безразличной физической оболочкой скорбно восседали рыночные матроны и вытирали сухие глазки сухими платочками.

– Алиса! – неожиданно позвал меня кто-то, безжалостно подвешенный к люстре.

Я задрала голову. Под облепленным белоснежными обоями потолком неприлично болталась прозрачная Элеонора Ивановна и с осуждением поглядывала на бывшую соседку.

– И чем вы недовольны, сударыня? – осведомилась эта соседка, с ужасом обнаруживая пристальное внимание дружного базарного сообщества, моментально переключившееся с чересчур неразговорчивой покойницы на ее ничем не примечательную персону.

– Зачем ты растрепала милиционеру про сокровища пра-

бабушки? – сурово сдвинул брови капризный фантом.

– Так и не научилась врать, – пламенея революционным цветом, пролепетала я.

– Так ли? – глубокомысленно поднимая вверх расплывчатый указательный палец, съехидничало привередливое привидение. – Семейные сокровища принадлежат только мне. А теперь иди. Еще встретимся.

– Хорошо, – икнула я, начиная оседать на вытоптанный пол из импортного ламината.

– Не видите, девушке плохо! – закричала одна из рыночных матрон, подхватывая на руки не в меру обездвиженное тело излишне болтливой незнакомки. – Дайте нашатырь!

Глава 4. Побег

А вечером в наш дом пришел капитан. Он сел на кресло, закинул ногу на ногу и взял в руки чашечку с ароматным кофе «Жокей».

– Преступники во всем сознались, – отпивая небольшой глоток экзотической горечи, вкрадчиво сообщил он, – дело можно было бы считать закрытым, если бы не...

– Если бы не? – торопливо натягивая задравшуюся юбку на оголенные колени, необычайно притягивающие взгляд обстоятельного гостя, переспросила я.

– В комоде Евсеева нет бриллиантов, – вздохнул Куприн, – и весьма вероятно Игорь Иннокентьевич на самом деле понятия не имеет где они сейчас.

– Странно, – пожала плечами я. – У сокровищ появились ноги?

– А поскольку уважаемая Алиса Михайловна обладает экстрасенсорными способностями, руководство районной милиции предлагает ей заняться своими прямыми обязанностями, – торжественно провозгласил служитель правопорядка.

– Чем? – умело сооружая из своего прелестного личика глупейшую мордочку заядлой пациентки психушки, ахнула я.

– Не бесплатно, естественно, – с удивлением взирая

на преобразившуюся «чародейку», опомнился Виктор Александрович.

– И каково жалование? – думая о том, что очень уж стремительно последовала плата за ложь, заволновалась я.

– Тысяч пять или шесть, точно не знаю, – загрустил бра-
вый капитан.

– Благодарю покорно, – мгновенно вспоминая о пачках с вожделенными гринами, припрятанными у меня в квартире, поморщилась я.

– Так вы согласны? – обрадовался гость и опрокинул чашку с недопитым кофе на светлый, недавно вычищенный в прачечной, ковер. – Можно доложить начальству?

– Разрешите подумать, – с преувеличенным вниманием разглядывая причудливые коричневые разводы, вольготно расположившиеся под ногами, икнула я. – Господину работодателю погадать на кофейной гуще?

– Почему вы безобразничаете, молодой человек? – протягивая хулигану в погонах «Ваниш», материализовался из туалета разъяренный Карлос. – Немедленно опускайтесь на пол и беритесь за дело.

– За какое? – вздрогнул от оскорбления служитель законов, но флакон с чистящим средством все же взял.

Шустро схватив пустое мусорное ведро, я выбежала в коридор, чтобы получить возможность хоть минуту поразмышлять в одиночестве.

– Алиса Михайловна, – вырулил из квартиры бравый ка-

питан, – принимайте работу!

– Кто тянул тебя за язык? – осведомился домовый после исчезновения Куприна.

– И что же мне надо было рассказать ментам про явление покойницы пред ясные мои очи? Поведать о ее правдивом рассказе про прабабушку-фрейлину? – расстроилась я.

– Да уж, – сказал Жемчужный и удрученно почесал переносицу, – да уж.

И опять зазвонил телефон.

– Кто говорит? Слон, – пробормотала я, подходя к назойливому аппарату.

Но звонил не представитель фауны, а наркоторговец Колька собственной персоной.

– Так любовь или бабки? – уточнил он вместо приветствия.

– А если я обращусь в милицию? – посоветовалась я с Жуком.

– Все схвачено, за все заплачено! – неумело подражая Караченцову, проблеял преступник. – Жене босса не проблема достать такое ничтожное количество капусты.

– Хорошо, – помявшись для вида, согласилась я. – Приходи за деньгами.

– К тебе домой? – заорал от радостного возбуждения назойливый абонент.

– Куда же еще, – простонала я и яростно бросила ни в чем

не повинную трубку.

Через несколько минут явилось прожорливое насекомое и трепетно протянуло мохнатые лапки к пачкам с купюрами.

– До свидания, – вытолкнула я вымогателя на лестничную площадку после того, как он пересчитал вожаделенные баксы. – Надеюсь, мой супруг в безопасности?

– Естественно! – раздвинул в зверином оскале серые губы жулик и поспешно скрылся из виду.

– Ты била понты, и я дал маху! – орал Жук в ухо, сотрясая мой стан как яблоню по осени.

– П... п... почему? – заикала я, тщетно пытаюсь отбиться от его потных ладоней. – Говори яснее.

Была ночь. Спросонок, не разобравшись в личности пришельца, я распахнула дверь воровскому авторитету, ожидая увидеть незабвенного Серегу.

– Бабки, отданные мне как выкуп за Смирнова, имеют те же самые номера что и стыренные у меня позавчера грины! – продолжал визжать чрезмерно дотошный наркоторговец.

Я влипла. Спокойно, Алиса, спокойно!

– Как ты сумела вспороть крутого медведя? Колись! – поперхнулся слюной негодяй.

Какого медведя? Что он несет?

– Ну, хорошо, капуста вернулась к законному хозяину, зато теперь прелестная уркаганша навеки станет моей кад-

рой, – облизнул потрескавшиеся губы выродок. – Усекла?

– Размечтался! – материализуясь за спиной у жулика, взревел Карлос.

– Не вертухайся, Укроп Помидорович, – скривился мерзавец, с яростью измеряя кроличьими глазами толстенную фигурку Жемчужного. – Я никогда и нипочем не отступлюсь от клевой медвежатницы!

Утро наступило внезапно. Уставшее от победных лозунгов, насекомое ретировалось, чрезвычайно довольное создавшейся ситуацией, благодаря которой я очутилась в его мохнатых лапах: откажусь сотрудничать с мошенником – убьют Сергея, не откажусь – угожу в тюрьму. Да и родная милиция, уверенная, что Алиса Михайловна – экстрасенс, не отстанет от нее с заманчивыми предложениями заработать пять-шесть кусков, чтобы освободить город от асоциальных элементов. Если я сдам ворюгу, то опасность потерять мужа не уменьшится из-за того, что у этого самого ворюги имеются сотоварищи, готовые на убийство в любое время суток. Запуталась!

– Неужели ты не можешь превратить Жука в жука? – меряя шагами кабинет, уточнила я у удрученного Карла Жановича. – Ведь наказал же ты когда-то Верку Хряпунко!

– К великому сожалению, дорогая, – скорбно наблюдая за моими легкоатлетическими упражнениями, вздохнул притомившийся домовой, – этого не дано даже всемогущему Повелителю Стихий. Но если исчезнешь ты, испарятся и все

твои неприятности.

– А Сергей...., – поморщилась я. – Что будет с ним?

– Сергей не надобен никому, – авторитетно заявил дух, – всем необходима Алиса.

– Неправда! Мой муж – руководитель солидного предприятия! – в возмущении остановилась я. – Он – неординарный человек, притягивающий внимание определенных кругов!

– Успокойся, такие лохи, как твой несравненный, не интересуют преступный мир, – отмахнулся от меня элементар. – Просто хитрый жулик влюбился в супругу Смирнова, а она оказалась ему не по зубам. Если бы насекомое было уверено, что вы богаты, оно бы не потребовало денег на выкуп для Сергея Владимировича.

– А что бы оно потребовало? – неприлично икнула я.

– Звезду с неба, – покачал головой старичок-боровичок. – Ему нужно было то, чего у вас нет.

– Значит, если я исчезну, мой нечестолобивый супруг станет ненужным наркоторговцу? – догадалась я.

– Да, – насупился большой воздушный шарик.

– Но мне некуда деться, – усаживаясь в кресло, невольно всхлипнула я, – да и без тебя с Марго я не представляю своей жизни!

– Будем думать, – взлетая к потолку, просиял от моих слов домовый. – Надо посетить конгресс ведьм и колдунов, который состоится на Голгофе в ночь на Ивана Купала.

– А почему не на Лысой горе? – оживилась я.

– Близ Киева проводит шабаши подлинная нечистая сила, – озадаченно почесал в затылке дух. – Ко всему прочему, хохлы требуют оформление визы и хорошее знание украинского языка.

– Разве такая мелочь, как переезд частного лица из пункта А в пункт В, должна оговариваться на сходке приспешников Сатаны? – искренне удивилась я.

– Ты здорово вляпалась, милая, и находишься между двух зол, из которых невозможно выбрать меньшее, – заволновался Жемчужный. – С одной стороны, это вездесущие любвеобильные братки, с другой – обнадеженная, но обманутая милиция. Если тебя проворонят криминальные таланты, то обязательно сцапают отчаявшиеся менты.

– Но до конгресса далеко! – хватая настольный календарь, ужаснулась я.

– Время можно свернуть, – невесело усмехнулся домовой.

– И украсть у людей четыре прекрасные летние недели? – подскочила от негодования я.

– Зачем же, пусть наслаждаются, – пожал плечами Карл Жанович. – Месяц потеряешь ты, но он вернется к тебе в конце июля.

– Хорошо, – пробормотала я, от всей души сомневаясь, что это действительно хорошо.

– В таком случае, улетаю сейчас, – натягивая на себя черную мантию, появившуюся неизвестно откуда, торжественно провозгласил мой лучший друг.

– Спецодежда? – недоуменно разглядывая странный прикид, присвистнула я.

Проигнорировав мой вопрос, элементарл взмыл вверх, словно стрела, пущенная из лука. Я осталась одна, совсем одна: без мужа, детей, Карлоса и... Мадима.

«А ведь Повелитель Стихий, возможно, тоже будет на Голгофе! – неожиданно опомнилась я. – Сможет ли земная женщина устоять перед его красотой?»

Начинался новый день, наполненный треволнениями и ложью. Взглянув на календарь, я еле осмыслила, что наступило двадцать четвертое июня.

– Куда вы пропали? – нещадно насилуя телефонный аппарат, оглушительно вопрошал Куприн, – Набралась куча нераскрытых дел!

– Куча подождет, – прервала я эксцентричного абонента, стараясь припомнить, куда же на этот раз укатил Сергей.

– Извини, что захожу с севера, – нес ахинею Жук на другом конце провода, – вчера чуть не сплел лапти, зато вернусь с покупкой.

Боже, он бредит?

– Не бойся, не Сидора срезал, все шито-крыто, завтра впадаю в спячку, – продолжало ораторствовать насекомое.

– Говори по-человечески! – проклиная воровскую феню, заорала я.

– Когда ты бросишь своего лоха и заживешь со мной в по-

стоянных захватывающих приключениях? – икнув, залезил криминальный авторитет.

– После дождичка в четверг, и когда рак на горе свистнет, – бросая осточертевшую трубку, обозлилась я.

К вечеру телефон решил отдохнуть.

«Слава Богу, – подумала я, присаживаясь на диван и вспоминая об исчезнувшем муже. – На какой континент на этот раз умотал мой сверхделовой супружник?»

– Алиса, – внезапно материализовался запыхавшийся Карлос, – одевайся, нам надо лететь.

– Куда? – встряла Марго, в маленьком животике которой бесновались будущие котята.

– Сбегаете? А кто будет кормить беременную женщину? – показывая острые клыки, возмутился любящий отец несчастных крошек.

– Хотела на Лысую гору? – игнорируя претензии главы кошачьего семейства, уточнил домовый. – Еле добился визы.

– А украинский язык? – прощаясь с Повелителем Стихий, ахнула я.

– Коверкай русский, – усмехаясь в пышные усы, коварно посоветовал дух.

– Ты завел растительность на лице? – приглядываясь к Жемчужному, рассмеялась я.

– А чем я хуже Тараса Бульбы? – развел руками элементал. – Полетели!

Две худосочные метлы подскочили к нам с услужливостью

уличных проституток.

Не чувствуя угрызений совести, я лихо запрыгнула на одну из них и, подражая булгаковской Маргарите, радостно заорала:

– Невидима!

– Кто будет кормить беременную женщину? – продолжал вопить белый кот, но парочка безумцев, задыхаясь от нетерпения, уже летела навстречу своей судьбе.

Глава 5. Лысая гора

Темнело. Метелка, словно одержимая фанатичной идеей террористка, неистово мчалась на бескрайние просторы Самостийной Украины. Рев ветра заглушал посторонние звуки, настраивая на одну мажорную ноту. Рядом с наслаждением неся Карлос и пристально смотрел вперед, сжав зубы и сцепив кисти рук на тонком основании эксцентричного транспортного средства. Постепенно приближалась земля, заговорчески помаргивая усталым путникам маленькими беспокойными огоньками. Луна в своей последней четверти равнодушно освещала местность, на которой толпились неясные, с трудом видимые призраки

– О! О! О! – заголосили рядом с нами обнаженные женщины с распущенными волосами, спускаясь на деревянных и металлических швабрах с темных туч.

– А! А! А! – раздалось им в ответ с плешистой поверхности родной планеты, решившей и постановившей сдать нечестивому братству в аренду на двенадцать часов миниатюрную часть своей незадействованной суши.

Коснувшись ногами иссохшей травы, домовый по-отечески обнял мои плечи.

– Молчи, слушай и запоминай, – осматривая окрестность, прошептал он.

Потрясенная, я шире распахнула глаза.

Старая костлявая колдунья, неуклюже присев на корточки, дребезжащим голосом по-украински начала декламировать заклинания. Внезапно связка хвороста кровавым язычком вспыхнула в ее левой ладони, а правую руку мегера решительно погрузила в кружку, примостившуюся между колен.

– Айе-Сарайе! – протяжно завывла бесноватая, принуждая стаю молодых веселых ведьм прислушаться к ее крику. – Айе-Сарайе!

В глубине каменного бокала появился неясный свет, и малюсенькое существо резво выскочило из его недр, преобразившись в гигантского козла с синим пламенем между рогами.

– Хар, хар, шабаш, – попадали на колени приглашенные дамы и кавалеры и, отталкивая друг друга, принялись иступленно лобызать волосатую задницу парнокопытного.

– Что они делают? – пролепетала я и попыталась крепче прижаться к Жемчужному.

– Смотри внимательнее, – усмехаясь в хохлацкие усы, заявил Карлос.

Повинуясь совету друга, я осторожно подошла к чудовищу и с ужасом обнаружила, что к озабоченному задку пана Козлика прилеплены девичьи губки, охотно отвечающие на восторженные поцелуи истеричных фанатов.

– Ничего себе, – обращая на себя внимание стоящих рядом психопаток, ахнула я.

– Уважайте наши обычаи, – толкнула меня острым кулачком в бок одна из них.

– Метр Леонард! – со страстью невестребованного в мире людей существа неряшливая дама предпенсионного возраста обхватила руками огромные копыта героя-любовника.

Многочисленные костры взорвались революционными огнями и осветили золотой трон, на который торжественно взобрался Идол Зла. Лунная соната Бетховена печально полилась по необитаемой местности, представляя резкий контраст с торжествующими воплями умалишенных.

Предсмертные крики маленьких детей раздались в наэлектризованном воздухе: то в религиозном экстазе резали принесенные жертвы симпатичные женщины, призванные самой природой рожать и любить.

– Они похожи на террористок-смертниц, – согревая прерывистым дыханием окоченевшие пальцы, содрогнулась я.

Терроризм – религия Зла, – выуживая из карманов мантии лайковые перчатки, согласился домовой. – Придет время, трагедия в Беслане потрясет Вселенную.

– Летят! – заорали отдельные голоса. И стадо возбужденных тварей с интересом задрало лохматые головы, пытаясь рассмотреть еще невидимых долгожданных гостей.

Мгновение, и черный баран со светящимися глазами в окружении статных чертей опустил на землю прелестную нагую девушку, безуспешно пытающуюся спрятать лицо в распущенных каштановых волосах.

– Царица бала, – с завистью зашептали ведьмы и грубо орудуя локтями поползли к ней, не ощущая шероховатой поверхности банкетного взгорья.

Отшвырнув пылких полюбовниц, пан Леонард величественно спутился с блистающего трона и неторопливо подошел к обездвиженной жертве. И тогда началась черная месса. Сгруппировавшись, воинствующие лица мужского пола с энтузиазмом проделали в горе неглубокую ямку, в которую с наслаждением помочился кумир, а затем, отталкивая друг друга, рядовые делегаты от всевозможных государств. Визжа от будоражающего нервы предчувствия стержневого сатанинского ритуала, колдуньи одним духом сорвали с себя прозрачные одеяния и окропили страждущие физические оболочки мужиков животворной уриной совместного производства.

Ошеломленную королеву с почетом отвели в сторону и насильно натерли специальной колдовской мазью, от которой неопытная девушка превратилась в подобие мартовской кошки, охотно подставляющей интимное место всем вожделевшим. Козел по-хозяйски взобрался на новоявленную шлюху и на глазах у ликующей паствы с силой проник в ее алчущее юное тело. Обезумевший сладострастный хоровод, матерясь и бесстыдно изгибаясь, молниеносно окружил тесным кольцом импровизированный жертвенник. Началась всеобщая гомосексуальная и гетеросексуальная оргия.

– Кровосмешение здесь в особенном почете: истинный

колдун должен родиться только от союза матери и сына или отца и дочери, – отворачиваясь от охальников, проворчал Жемчужный.

– Иди сюда, – внезапно схватил меня за руку матерый самец с устрашающим копьём между ногами.

– Она моя! – угрожающе рявкнул Карлос и выставил наружу длинные, острые клыки, которых я у него и не подозревала. – Распустились тут без Хозяина!

– А кто – Хозяин? – шарахаясь от сексопата, робко поинтересовалась я.

– Сатана, – улыбнулся и спрятал милые зубки элементар.

Утомленную подругу царственного Леонарда вновь уложили на алтарь, чтобы на ее окровавленном животе отведать «священного» причастия, смочив его в крови девушки.

Пик религиозного экстаза охватил пирующих, они начали жадно пожирать все, что способны растворить в соке неприхотливые желудки нечисти: насекомых, змей, лягушек, зловонную падаль и трупы детей, умерших без крещения.

– Отомстите за себя! – неожиданно заорал огромный старый черт, потрясающий мощным чешуйчатым фаллосом. – Иначе смерть ожидает вас!

– Вы прибыли ко мне? – спросил нас суровый мужчина в черном плаще, не принимающий участия в коллективном сумасшествии.

– Да, – стремительно поворачиваясь к незнакомцу, оживился домовый.

– Полетели! – скомандовал Плащ и игнорируя поломочные летательные аппараты, взмыл в воздух.

– Вперед, – прошептал Карл Жанович, подталкивая меня к метле, – за ним.

Кошмар закончился так же внезапно как и начался. В маленьком домике с крышей, покрытой красной черепицей, я почувствовала себя довольно уютно. Пахло травами и домашней пылью, в которой обычно заводятся клещи, вызывающие аллергию. Черная кошка, похожая на Марго, развалилась на низенькой тахте и пронизывала гостей горящими, как угольки, янтарными глазами.

– Вы действительно очень хороши собой, Алиса, – присаживаясь рядом с чернушкой, галантно сделал комплимент хозяин неубранного помещения.

– Спасибо, – стараясь спрятаться от его колдовских очей, пробормотала я.

– Вам нужно прибежище, – внимательно оглядывая мою фигуру, уточнил Плащ.

– Да, – начиная тяготиться продолжительным осмотром, откликнулся Карлос.

– По долгу службы я помогаю сильным, для которых убить и предать – привычное дело. Вы не такая как они, – приметив недовольство домового, усмехнулся странный субъект.

– Убийство и предательство – самые страшные грехи, – вспоминая правильные речи Хеседа, высокопарно изрекла я.

– Он не придет, – забавляясь моим смущением, охотно сообщил незнакомец, – ангел разочаровался в вас.

Ясно, существо из сатанинского шабаша умеет читать мысли. Почему бы и нет? Только совсем ни к чему насмехаться над злосчастной жертвой сумасшедшей любви чокнутого духа. Кто этот язвительный мужчина? Красивое волевое лицо, прямые длинные волосы, пронзительные беспросветные глаза, накачанная фигура.... Не так пригож, как Мадим, но более мужественен.

— Садитесь в кресла, – наконец-то додумался негостеприимный хозяин неведомой обители, – давайте знакомиться. Меня зовут Астарот.

Что-то знакомое промелькнуло в моей памяти.

Голубая спальня в замке семнадцатого века, ангел и элементал, протыкающие друг друга глазами, как шпагами. Они бросаются тяжелыми фразами, а я, потрясенная происходящим, в нелепой позе лежу на кровати и упорно пытаюсь вникнуть в их чересчур эмоциональный диалог.

– Я обращусь за помощью к Астароту, и он поможет, он всегда помогает сильным, – кричит взбешенный Повелитель Стихий.

– Дух Тьмы устал от своих злодеяний и удалился в пустыню Скорби, – хладнокровно откликается ангел.

– Вы находитесь в отпуске или ушли на заслуженный отдых? – чувствуя дрожь в коленках, несмело осведомилась я у подданного самого дьявола.

– Решил сделать небольшую передышку, – незамедлительно отозвался демон. – Не хотите ли провести каникулы со мной?

– Благодарим покорно, – влез в разговор мой невоспитанный друг.

– Шутка, – изображая на властных губах некое подобие улыбки, тоном Никулина вымолвил Черный Плащ. – Насколько я осведомлен, вы, милая странница, недоступны элементам, но вас, к сожалению, могут обидеть обыкновенные людишки, а потому Алисе Смирновой необходимо покровительство и темных сил. Почему бы и нет? Она родилась тринадцатого числа, а это наша любимая цифра.

– Невезучая, – тяжело вздохнув, подсказала я необычному оратору.

– Ошибаетесь! – поднял к вискам густые брови самоуверенный собеседник. – Не раз мы предупреждали вас об опасности, в нужный момент показывали картинки из жизни близких и родных, заставляли горько рыдать обидчиков. Ваше второе я – наша выдумка, позволяющая первому не делать глупостей.

– Разве злым силам не выгодно подталкивать простых смертных к сотворению грехов? – поразила я.

– Злым? Неужели станете отрицать благотворное влияние ночи на человеческий организм? – напыщенно проговорил черт. – Или вы не любите отдыхать под тенистым деревом? Свет добровольно уступает место темноте так как нуждается

в ней. К тому же, мы не враги тем, кого уважаем.

– А помогаете «сильным», ради мгновенного обогащения совершающим бесконечные убийства, – осуждающе покачала головой я.

– И снова ошибаетесь, – оживился Астарот. – Слуги великого Сатаны порицают убийц и воров. Но, по долгу службы, чтобы не опустели темницы Ада, милостиво позволяют нечестивцам губить свои души. В загробном мире, как и в материальном плане, тоже необходимо равновесие. И это не конфликт с Создателем, а взаимовыгодное сотрудничество, хотя суровый Господь и недолюбливает нас.

– Но то, что я сейчас видела..., – вспоминая пана Козлика и его бесстыжую банду, брезгливо поморщилась я.

– Неужто все, кто называет себя христианами, праведны? – распахнул беспросветные глаза дух Тьмы. – Вспомните о сектах....

– В таком случае, почему вы, особа приближенная к своему застенчивому монарху, были на этом сборище? – со злорадством перебила я демона.

Теперь-то он вынужден будет признаться, что метр Леонард со своей срамной шайкой – его дружки!

– Всего лишь подбирал кандидатуры для работы в адových подвалах, – недовольно передернул массивными плечами злобный вербовщик. – Слишком много клиентов появилось в последнее время!

– И подобрали? – донеслось из завешенного замысловатой

паутиной угла.

Славный Карлос, согнувшись в три погибели, с нежностью любящего папаши гладил осоловевшую от ласки черную кошку.

«А я и не заметила, как мурка удалилась с тахты», – невольно любуясь пушистой красавицей, подумала я.

– Конечно, – стрельнул недобрым взглядом в распоясавшегося домового слуга дьявола.

– Разврат – стихия зла, и как же это все мерзко! – встав с кресла, я медленно подошла к Жемчужному.

– Вы не хотите или не желаете понять, что чернь – она и есть чернь? – возбужденно вскочил с насиженного места потусторонний полемист. – Можно подумать, в человеческом обществе нет социального дна. Вы когда-нибудь были в подвалах и наркопритонах?

Потрясенная неожиданными суждениями особенного оппонента, я умолкла и плотнее прижалась к невозмутимому Карлосу. Внезапно вспомнился сундук с Онориной и Фарием в окружении алчущих элементаров.

– Не хотел говорить, но придется, – выдержав небольшую паузу, невесело промолвил Карл Жанович. – Мадим предоставил твою судьбу в мои руки, девочка, так как собирается заново жениться.

– На ком? – отчего-то побледнела я.

– Его окрутила Нахема – царица вампиров и роковая истребительница счастья, – влез в разговор всезнающий демон.

– Она предоставит Страшной Силе бессмертную душу? – с горечью осведомилась я.

– Нет, но она подарит ему любовь, которую не смогла дать земная женщина, – мстительно усмехнулся Астарот.

Почувствовав, что сейчас упаду в банальный обморок, я судорожно вцепилась в своего единственного друга.

– Не стоит горевать, дорогая, – внезапно нахмурился князь Тьмы. – У прекрасной Алисы будет дом, достойный ее красоты, и никто из смертных не посмеет нарушить покой хозяйки фамильного замка.

– Летим, – с благодарностью кивнув неожиданному покровителю, заключил меня в объятия домовой. – Спасибо, приятель.

Запах цветущей черемухи бурей ворвался в тягучий сон и отвлек от мыслей о важных поступках, которые я обязательно должна совершить. Закуковала кукушка.

– Повелитель Стихий разлюбил меня как и Сергей? – спросила я у безголосой певички и полила потоки слез, которые струйками потекли по щекам на мягкую пуховую подушку.

– Очнись, – сквозь туманную завесу небытия прорезался родной голос Карлоса, – очнись, ты дома.

– Дома? – растерянно переспросила я и распахнула мокрые глаза, чтобы пораженно оглядеть просторную, ослепительно белую комнату с гигантской венецианской кроватью

из кованого узорчатого железа.

Новое мое жилище могло впечатлить и пресыщенного средневекового графа, и обладателя миллиардов в избалованном роскошью двадцать первом веке.

Натянув платье, я с замиранием сердца побрела по длинным коридорам осматривать свой собственный замок.

– Зачем мне столько квадратных метров? – недоуменно спросила я следующего за мной неотвязной тенью домового.

– Неужели тебе не надоело ютиться в скворечнике? – превращаясь в быстрое облачко, отозвался он.

– А ребята? Они прилетят ко мне? – с грустью и завистью вглядываясь в свободную энергетическую оболочку вольного элемента, уточнила я.

– Алина и Олег живут собственной жизнью, которая неприкосновенна для тебя, – забавляясь кувырканием в воздухе, заявил счастливый дух.

– Но я – мать! – всхлипнула я и представила любящие глаза дочери.

– Родители дают детям только тела, которые растят до двадцати лет, – извлекая из иллюзорного кармана носовой платок, улыбнулся Карлос, – и отпускают его от себя после данного срока. Так решил Господь, и это правильно. А теперь, дорогая, – полетели!

Глава 6. Новый дом

Я мчалась через сияющий золотом громадный зал и целый ряд салонов, основными цветами которых являлись оранжевый, белый и ослепительно желтый. Мозаичные мраморные полы, старинные высокие зеркала, позолоченная вязь орнаментов, дорогие шелка и толстые персидские ковры – все поражало взбудораженное воображение. Украшенная лепкой в стиле барокко просторная лоджия выходила на восток и открывала перед новыми хозяевами великолепное зрелище. Слева от дворца расстиралось чарующее серебряное озеро, справа – небольшой, увенчанный невиданными растениями водоем с фонтаном в виде белого лебедя, взметнувшего гибкую шею к безоблачным небесам и одаряющего из алого клюва благоухающую зелень животворящей влагой. Посыпанная искрящимся песком аллея, обрамленная высокими стройными кипарисами, уводила в неведомое приволье, где, наверное, находились ворота в мой маленький Рай

– Господи! – обзревая окружающее пространство, в экстазе закричала я. – Неужели это все ты дал мне?

– Немедленно прыгай вниз! – польщено улыбаясь, скомандовал Карлос.

– Боюсь! – живо представляя различные переломы и вывихи на своем любимом теле, завизжала я.

– Прыгай! – приказал Жемчужный и, подхватив меня

на руки, сбросил с лепных перил навстречу протягивающей незримые руки матушке-Земле.

Благополучно примостившись на мягкий цветочный ковер, я бросила взгляд назад и ахнула. Огромный замок отражал свое спокойное величие в восторженных глазах целомудренных вод. Увенчанный балюстрадой фасад белого здания, высокие сияющие окна, античные статуи на колоннах, отливающий старым серебром купол центральной башни сводили с ума не привыкшую к роскоши российскую простолюдинку. Скинув оцепенение, мы устремились в жилище по большой мраморной лестнице с двойными маршами и снова побежали и полетели по кругу, любуясь многочисленными покоем и несчетными коридорами. Из ванной розового мрамора с массивными золотыми кранами в виде колокольчиков поднимался густой пар. Покрытые зеркалами стены моечной умножали до бесконечности изящные колонны, удерживающие хрустальный потолок, создавая иллюзию математического совершенства физического мира. Я низвергла надоевшее платье и забросила его к основанию одного из стоячих прямоугольников, а затем с удовольствием окунулась в аромат горячего воздуха. Карлос стыдливо отвернулся.

– Хочу смыть с себя пыль Лысой горы, – прокричала я и ликующе вонзилась в розовую чашу экзотического цветка, наполненного благоухающей жидкостью.

Весь день мы провели, порхая по огромному помещению,

ставшему волею Господа моей собственностью. Кто-то невидимый наделил меня незримыми крыльями и подарил просторное длинное платье, которое не мешало летать под высокими потолками волшебного замка. Нас кормили и поили заботливые бесплотные руки. Они убирали грязную посуду и ставили на стол свежие цветы, они вытирали пыль с мебели и начищали до блеска мозаичные полы. И только вечером, устав до изнеможения, я спросила близкого друга, где находится наш новый дом.

– Как где? – удивился вопросу Карлос. – Во Франции эпохи Людовика Четырнадцатого.

– Возле замка графа де Виронна? – ахнула я.

– Нет, далековато, – натянуто засмеялся Жемчужный. – Рядом с Марселем.

– Почему я заново оказалась в семнадцатом веке? – вспоминая неистовые поцелуи Повелителя Стихий, оживилась я.

– Не знаю, – пожал плечами элементар. – Видимо, так решили на небесах. Или под землей.

– Неужели я не смогу вновь увидеть детей и внуков? – неожиданно осознавая, что я опять – пленница в золотой клетке, загрустила я.

– Пойдем, – потянул меня за руку Карлос.

И мы полетели по длинному коридору в крайнюю комнату, похожую на игровой компьютерный зал.

«Как у Мадима», – успела подумать я.

– Садись, – распорядился домовый и включил огромный

монитор, на вспыхнувшем экране которого Алинка укачивала Алешку и пела ему колыбельную. Затем изображение родных человечков исчезло. Карлос снова нажал на мышку: Олег с Олей пили чай, а на коленях у молодого папы сидела дочка так похожая на меня.

– Не выключай, – попросила я элементала.

– Смотри, пожалуйста, – мгновенно испаряясь, фыркнул вольный дух.

Весь вечер, затаив дыхание, я разглядывала внуков на равнодушном экране всезнающего компьютера, затем перешла на кошек. Они беззаботно спали на старом кресле, а на кухне стояли их миски с чем-то съедобным. Хозяина как всегда дома не было.

– У них все хорошо, – счастливо прошептала я. – Слава Творцу.

Утро наступило внезапно, впустив в спальню изысканное пение соловьев.

– Как спалось? – осведомился чисто выбритый Карлос, проявляясь на фоне ослепительно белой двери.

– Прекрасно, – отчаянно зевая, ответила я.

Никогда еще мои непослушные члены не испытывали такого расслабления. Да и в голове звучала поразительная пустота. Не хотелось ни о чем думать, ничего делать. Так было со мной в огромном доме второго мужа, все сильного Повелителя Стихий. Но тогда я являлась всего лишь обожаемой

принадлежностью властного мужчины, сейчас же – хозяйкой самой себе, а чувство свободы пьянило.

– Хочешь в театр? – присаживаясь на краешек кровати, поинтересовался домовой.

Еще бы! Разве подлинные женщины когда-нибудь отказываются от посещения подобных заведений?

– Однако, мы живем в такой глуши! – воскликнула я, но мгновенно выпрыгнула из мягкой постели.

– Разве моя подруга не умеет летать? – фальшиво удивился Жемчужный.

– Ты прав! – восторжествовала я и, взмахнув руками, взмыла к белому потолку, чтобы оттолкнувшись от него, направить свое физическое тело в ванную комнату.

Встав под прохладный душ, я почувствовала, как невидимые руки ласково натирают мне спину легкой губкой с необычайно душистым мылом. Смыв пушистую пену, я накрылась махровым полотенцем, спустившимся с высоты, и снова взлетела вверх, чтобы вихрем примчаться в столовую и, игнорируя громоздкое платье от какого-то знаменитого кутюрье семнадцатого века, полуголой усесться за обеденный стол. На чрезвычайно неудобной одежде настоял мсье Карлос, неузнаваемо изменивший свой облик. Теперь толстенький элементар походил на знатного денди, скрупулезно отслеживающего каждый шаг капризной французской моды.

– Мы полетим в Марсель? – спросила я с аппетитом по-

едающего омерзительные лягушачьи лапки друга.

– В Париж, – проглатывая последний кусочек и простирая руку к горячему шоколаду, откликнулся он. – Одевайся.

– Но еще рано, – потянувшись, снова зевнула я. – Все уважающие себя люди ходят в театры по вечерам.

– Разве тебе не хотелось бы просто прогуляться по красивейшему городу планеты, посидеть в уютном ресторанчике? – поразился дух.

– Экили уже мертв? – вспоминая страшную коллекцию колдуна, уточнила я.

– Да, – заверил меня домовой. – Только условимся: в настоящее время Алису Смирнову зовут маркизой Сюзанной де Ламарт, меня – Жоржем де Ламарт.

– И кем же ты мне приходишься? – насупилась я.

– Отцом, – показал розовый язык Жемчужный, – только отцом. И не кем более, как бы ты этого не желала.

– А если в столице мы встретим старых знакомых? – с опаской предположила я.

– Дегрэ не так богат, чтобы посещать подобные заведения. А Бульоны – сельские жители, не вылезающие из замка месяцами. Шанс повидаться с приятелями очень мал.

– Но все же...

– Ты хочешь вновь представиться княгиней Волконской? – вскинул пушистые брови элементар.

– Нет, нет! – всплеснула руками я. – Но сметливые аристократы поймут, что новоявленная маркиза – лицо не их круга.

– Скажешь, что долго жила в Новом свете, – отмахнулся от меня Жемчужный.

– Штаты уже открыли? – искренне сожалея о том, что плохо учила историю, осторожно осведомилась я.

Впрочем, в обожаемой мной книге про Анжелику....

– Много столетий назад, – наслаждаясь моей неосведомленностью, расхохотался Карлос. – Норманны прибыли на американский континент в 967 году.

– Не может быть! – покачала головой я. – Но в школе....

– Сеньор Колумб опоздал на пятьсот лет, – перебил меня добрый Карлос и испарился.

Обрядившись в маскарадный прикид, кружевами и рюшечками призванный на каждом шагу доказывать гражданам Парижа, что перед ними неподдельная средневековая маркиза, я замахала руками в надежде на удачную экскурсию.

– Куда? Куда? – закудахтал домовой, хватая меня за колоколообразный подол вычурного платья. – Сначала прочитаем специальный заговор.

– Какой? – оседая в его руках, оторопела я.

Обняв мои дрожащие от нетерпения плечи, дух быстро зашептал какую-то белиберду, смешно вращая одуревшими от данной белиберды глазами.

Это продолжалось около десяти минут, в течение которых я смиренно проигрывала в уме различные варианты своего поведения в высшем свете.

– Летим! – внезапно закричал Жемчужный, и я почувствовала, что становлюсь похожей на пустое место, коим, наверное, и была на самом деле.

Мчались мы со скоростью штормового ветра около полудня. За время пребывания в воздухе я тщетно пыталась рассмотреть бешено проносящиеся внизу живописные пейзажи прекрасной, но чужой страны, которую мечтает повидать, наверное, каждый житель земного шарика.

Красивейший город Земли стремительно приближался к путешественникам, разворачивая перед ними свою шикарную панораму.

– Где будем материализовываться? – собравшись с силами, заверещала я в круглое ушко сосредоточенного на полете Карлоса.

– В уборной данного ресторана, – крепко хватая мою вспотевшую от напряжения ладошку, ожил мсье де Ламарт. – Приготовься!

– Хорошо, – заорала я и мстительно пнула отвратительно неустойчивый воздух.

Крыша неуклюжего каменного дома пропустила нас без задержки. Возле большого, с узорчатым золоченым ободком, зеркала стояла величественная молодая дама и, пристально всматриваясь в свою доисторическую физиономию, тщательно припудривала острый угреватый носик. Услышав за спиной свист, она круто обернулась на сомнительный звук и, плотно закрыв веки, повалилась на правый бок.

– Бежим, – затравленно озираясь по сторонам, тихо командовал Жемчужный, и парочка воздушных хулиганов покинула сверкающую чистотой туалетную, украшенную лежащей на боку блондинистой барышней в алом шелке.

Глава 7. Атенаиса де Монтеспан

В ресторанчике было пусто, только в дальнем углу две пожилые матроны в пухе и перьях рассказывали друг другу свежие новости.

Бармен явно скучал и машинально натирал мягкой тряпочкой сияющие свежестью длинноногие фужеры. Юркий официант со всей прытью молодости бросился к нам, словно намеревался выловить из воды тонущего ребенка.

– Что желают господа? – завопил было он, но внезапно припомнил, что служащему заведения высшего класса следует вести себя более достойно.

Карлос заказал кучу неизвестных блюд и, довольный собой, вальяжно растянулся на изящном кресле с изогнутыми ножками. Скучающий бармен вздрогнул и уставился на домового с тупым недоумением. Тут из уборной вымелась ожившая тетка в красном и тоже воззрилась на нас, хватая ртом калорийный воздух, пропитанный запахами гастрономических изысков. Не выдержав всеобщего внимания, я показала тетке язык и отвернулась к окну, великодушно демонстрирующему внимательным зрителям модную коллекцию от кутюрье по имени Семнадцатый Век.

– Сядь прилично, – прошипела я спутнику и заискивающе улыбнулась пожилым дамам, прервавшим беседу и превратившимся в вылепленные неумелой рукой статуи.

– Пожалуйста, – поднос с яствами опустился к нашим носам, жадно впитывающим в себя самые настоящие ароматы национальной кухни.

Жемчужный гордо выпрямился и принялся за еду. Бармен мгновенно потерял интерес к необычным клиентам, отвернулся и обратил взор черных испанских очей на мадемуазель в алых шелках, которая, заметив на себе пристальный взгляд бесстыжего простолюдина, возмущенно выпорхнула птичкой из элитного кабака.

Наполнив под завязку голодные желудки, мы выбрались на яркое солнышко, чтобы прошвырнуться по впечатляющим улицам столицы несравненной во все времена Франции. Но и двигались мы явно не так. Внимательно наблюдая за сладкой парочкой, аборигены сооружали удивленные глаза и перешептывались между собой.

– Твой папочка похож на слона? – осведомился обиженный Карлос, подозрительно осматривая «Сюзанну де Ламарт» с ног до головы.

– Нет, – повторяя ту же процедуру, ответила я, – на футболиста в смокинге.

– Постой, постой! – хлопнул себя по лбу догадливый домовой. – Во времена Людовика Четырнадцатого смокинги, кажется, не носили!

– Точно, – прошептала я, оглядываясь по сторонам. – Как же ты мог это забыть?

– А кто недавно обитал на вилле у графа де Виронна и об-

щался с маркизами и баронами? – вспыхнул элементар.

– Жила. Ну и что? – озадаченно пробормотала я. – Кстати, белые кроссовки необычайно шокируют здешних обывателей.

– Да, – почесал в затылке мсье Жорж, – придется искать приличный бутик.

Магазин мы нашли сразу же. Молодой продавец шаркнул ножкой, вежливо поздоровался и поинтересовался, откуда мы прибыли.

– Из Америки, – подмигивая элементару, улыбнулась я.

– Это национальная одежда? – почему-то восхитился торговец готовым платьем.

– Да, – торопливо заверил его домовой.

– Чья? – не унимался любопытный француз. – Индейская?

– Конечно, – прыснула со смеха я, представляя в уме разрисованных туземцев из Нового Света в черных смокингах и футбольных ботинках.

Облачение для Жемчужного мы все же купили и, довольные собой, отправились в небольшой скверик, расположенный поблизости от величавого театра со смешным названием «Пале-Рояля». Там, в тени каштанов, «индейцы» расслабились, а потому, недолго думая, «папочка» выудил из борсетки сотовый телефон и принялся тыкать в него коротеньким пальчиком, наслаждаясь мелодиями, предназначенными для ушей непритязательных абонентов из далекого третьего тысячелетия. Маленькая девочка, чрезвычайно

похожая на Мальвину, остановилась возле чудного дяденьки и уставилась огромными голубыми глазами на необычную игрушку. Немолодая женщина в одежде простолюдинки рысью кинулась к непослушной подопечной, но тут тоже узрела всюю веселящийся мобильник.

– Что это? – ахнула она, намертво прилипая к скамейке.

– Бесовское, это бесовское, – авторитетно заявил важный монах, проходящий мимо странной мигающей вещички, беззаботно испускающей мелодичные звуки.

– Дьявольское? – поразилась заносчивая нарядная мадам, закрывая небесного цвета зонтик.

– Кого-то убили? – подскочили к нам любопытные парни в расшитых золотом и серебром камзолах.

– Чертов старик выкрал прелестную мадемуазель у родителей и хочет продать ее за большие деньги приезжему советнику марокканского султана, – раздался из группки зевак визгливый голос, принадлежащий существу непонятного пола.

– Пора! – рассвирепел «чертов старик» и потащил «мадемуазель» сквозь строй бездельников к ожидающему их величественному зданию.

Занимательную картину представлял собой сценический зал той эпохи. В нем не было обычного разделения мест, поэтому театралы изображали из себя единую сверкающую драгоценностями материальную массу. Зрительские скамей-

ки в партере постепенно заполнялись избранным обществом, бросающим на нас дерзкие удивленные взгляды. Влево от вожденной сцены находилась запертая золотой решеткой королевская ложа. В несколько ярусов над ложей и по обе стороны от нее расположились открытые кабинки для двора.

«Неужели увижу самого несравненного Людовика Четырнадцатого»? – подумала я, разочарованно обзревая средневековую аристократию, которая, не церемонясь, вела оживленные разговоры и напоминала эксцентричную публику на рядовом стадионе двадцать первого века.

Неожиданно водворилось устрашающее безмолвие. Красивый стройный мужчина и очаровательная черноглазая дама величественно вплыли в зал и уселись на места, предназначенные королевской семье.

– Сир и его невеста, Франсуаза де Монтенон, – донеслись до нашего обостренного слуха отдельные слабые голоса.

Будущая сиятельная королева была великолепно. Ее превосходная пышная фигура напомнила мне греческие скульптуры во дворце несчастного Тиберия.

Вдруг чей-то ненавидящий взгляд вонзился в новоиспеченную возлюбленную короля. Обратив голову к завистнице, я заметила прелестную белокурую женщину, сидящую в партере. Она комкала в руках кружевной платочек и казалась очень расстроенной. Давали «Насильственный брак» господина Мольера, но избалованная комедиями Рязанова

и Гайдая, я не могла принудить себя растягивать рот в слащавой улыбке, как это делали все остальные. К тому же, незнакомка с заплаканными глазами не позволяла мне сосредоточить внимание на сцене с издающими невыносимые вопли взбужденными лицедеями.

– Атенаиса де Монтеспан, – прошептал Карлос, указывая чисто выбритым подбородком на опечаленную натуральную блондинку.

– Как жестоки мужчины, – вспоминая ветреного Мадима и самовлюбленного Сергея, вздохнула я.

– Да? – хмыкнул Жемчужный. – Маркиза де Бренвилье находилась в женском теле.

– Но она раскаялась, чего никогда не делают представители сильного пола, – покачала головой я.

На нас зашикали. Я раболепно уставилась на подмостки, на середине которых причитала бездарная комедиантка. Или комедиант?

Через двадцать минут представление закончилось, и возбужденный люд стал медленно расходиться по домам. Смеркалось. На театральной площади зажгли фонари. Неуклюжие кареты как по команде распахнули гостеприимные двери и принялись дружно засасывать в себя скучающих бездельников, чтобы доставить их к местам назначений.

– Полетели, – оглядываясь по сторонам в поисках взлетной полосы, предложил дух.

– Подождите, пожалуйста, – неожиданно попросил нас

кто-то из темноты.

Белая фигура стояла под раскидистым деревом и теребила носовой платочек.

– Атенаиса? – бросаясь к несчастной дамочке, вскричала я.

– Откуда вы меня знаете? – изумилась прелестная блондинка. – Впрочем, кто же сейчас не ведает о брошенной женщине! Я очень одинока, господа, так как неверные друзья отвернулись от бывшей фаворитки легкомысленного монарха. Возможно, незнакомые двору люди выслушают ее и постараются понять.

– Говорите, – деловито приказал Карлос, усаживая бедняжку на ту самую скамейку, где недавно давал захватывающее представление наш меломан мобильник.

– Будучи любовницей короля, я была счастливейшей женщиной в мире, – начала она свой рассказ. – Уродливая королева умерла. Хромая Луиза де Лавальер тенью ушла в прошлое Людовика, когда он увидел меня. Я блистала в свете, передо мной преклонялись, мне посвящали стихи. И вдруг появилась она, безвестная дочь кальвиниста Франсуаза Скаррон, вдова калеки, взявшего ее замуж из-за банального сострадания. Я боролась до последнего, но тщетно. Толстуха одолела прекрасную Атенаису, повергнув ее к своим ногам. Она притворилась лучшей подругой, дав кров, когда я рожала ребенка от Его Величества, а потом соблазнила моего возлюбленного. Теперь король игнорирует мать своего

сына и демонстрирует перед обществом свою любовь к ....

– К презренной шлюхе, вы хотели сказать? – угодливо подсказал Карлос.

– Да, – ответила госпожа де Монтеспан, передергивая плечами от вечерней прохлады.

– Кто высоко взлетел, тому больно падать, – назидательно изрек Жемчужный. – Мы что-то должны для вас сделать?

– О, только выслушать несчастную, только стать ее друзьями! – вскричала отвергнутая маркиза.

– К сожалению, привязанность ветреного монарха не вернешь. Он женится на Франсуазе, – покрываясь красными пятнами, некорректно перебила я бедную француженку.

– Откуда вы это знаете? – опешила Атенаиса.

– Знаю, – пробубнила я и представила объятия Повелителя Стихий.

– Вы – сатанистка? – неожиданно оживилась очаровательная рассказчица.

– О нет, просто иногда предвижу будущее, – вспоминая жуткую коллекцию маньяка Экили, поморщилась я.

– Она шутит! – распугивая влюбленные парочки, засевшие в засаде в соседних кустах, взвыл элементар.

– Плохая шутка, – надула губки бывшая фаворитка короля.

– Вы правы, сударыня, – опуская глаза, покорно согласилась я.

– Кстати, честь имею пригласить господ..., – начала было

милая дама.

– Жоржа и Сюзанну де Ламарт, – проворно дополнил ее тираду дух, – маркиза и маркизу, отца и дочь.

– Вы французы? – обрадовалась госпожа де Монтеспан.

– Но жили в Новом Свете, – некультурно оборвал ее Карлос. – И только недавно по ипотеке купили небольшой коттедж близ Марселя. Так что скоро придется заполнять декларацию....

О Боже! Что он городит!

– И где же остановились мои новые друзья? – проглотив несуразность речей и несомненную бестактность необычного собеседника, поинтересовалась Атенаиса.

– В отеле..., – деловито почесывая переносицу, выдал воодушевившийся умелым враньем Жемчужный.

– Где? – ахнула аборигенка.

– В гостинице..., – ерзая по скамейке, уточнил лжец.

Но тут на помощь нам пришла карета с замысловатым гербом на боковой поверхности.

– Вы едете? – прозвучало из ее чрева.

– Еду, – быстро бросила одураченная, – а завтра ожидаю господ де Ламарт к себе в гости на улицу...

Последние ее слова потонули в шуме неожиданно начавшегося дождя. Бывшая фаворитка французского монарха поспешно поднялась в теплый салон средневекового автомобиля, который, гроыхая огромными колесами по булыжной мостовой, моментально исчез в ночи, словно его нико-

гда и не было.

– Летим? – снова предложил Карлос, накрывая меня неведомо откуда взявшимся у него плащом.

Я покорно взмахнула руками и поднялась вверх, в ночное небо, обильно льющее слезы по всем женщинам, брошенным легкомысленными мужчинами.

Глава 8. Назад, в будущее

Лететь было тяжело. Промокшее платье, вызывая неприятнейший озноб, упорно прилипало к озябшему телу и настойчиво тянуло вниз. К тому же, минуты полета тянулись исключительно долго, создавая иллюзию обреченной бесконечности. Пугающая тишина и беспросветная тьма с поверхности родной планеты угнетающе действовали на обостренные нервы. Народ, не имеющий никакого понятия об электричестве, почивал или читал заумные средневековые трактаты при дешевых свечах, насаженных на старинные канделябры, за которые любой коллекционер из двадцать первого столетия отдал бы колоссальные деньги.

Наконец-то небо успокоилось и перестало плакать, а мы опустились возле замка, встретившего исчезнувших хозяев пугающей настороженностью.

– Уж очень большой мой новый дом, – поеживаясь от страха и холода, вздохнула я.

Улыбнувшись, домовый хлопнул в ладоши, и в мгновение ока все окна таинственного дворца осветились яркими огнями.

– Вперед! – скомандовал он, и теплая струя воздуха послушно подхватила мое промерзшее тело, чтобы бережно отнести его в горячую ванну, наполненную доверху ароматной водой. Согревшись и смыв с себя остатки отрицательной

энергетики Пале-Рояля, я полетела в столовую, где усталую путницу ожидал превосходный ужин.

– Скоро отучусь ходить, – пожаловалась я разомлевшему от коньяка Жемчужному.

– Не отучишься, – проглатывая шоколадную конфетку, усмехнулся он, – не дадут.

– Что будем делать с бедной маркизой? – осведомилась я, с наслаждением отпивая глоток горячего чая.

– Пожалей лучше Лавальер, – предложил Карлос и откусил большущий кусок любимой «Нарады».

– Атенаисе крупно не повезло, – поморщилась я, с удивлением наблюдая, как аппетитный килограммовый тортик проваливается в безразмерный рот нематериального существа. – Тщеславная Монтенон увела у нее возлюбленного, коварная Бренвилье, пока была жива, всеми силами старалась принести не в меру доверчивой бедняжке как можно больше вреда. И обе прикидывались верными подругами.

– На чужом горе счастья не построишь, – вставая из-за стола, заявил дух. – Таков закон небес.

– Мы полетим завтра к страдальце? – следуя его примеру, с надеждой прошептала я.

– Я бы не советовал, – сурово сдвинув брови, хмыкнул элементар. – Она вовлечет нас в какую-нибудь прескверную историю.

Всю ночь я провертелась в постели, словно пущенная уме-

лой рукой юла: размышляла о привередливых мужчинах, незаслуженно меняющих нас, таких красивых и преданных, на первых встречах, жалела прекрасную маркизу и мечтала ей помочь. Но как? Черствый Жемчужный меня поддерживать явно не собирался.

Утром, чуть свет, я выбежала из дома, и, не соображая, что делаю, имея в кошельке всего несколько луидоров, поднялась в воздух, намереваясь лететь в далекую столицу на помощь новой подруге. Взмахнув руками, я понеслась со скоростью стрелы, выпущенной из лука, по славным небесным просторам благословенной Франции.

Париж встретил путешественницу туманом. Я материализовалась возле небольшого фонтанчика и спросила первого же прохожего, где обитает мадам де Монтеспан. Статный мужчина в пышных бакенбардах осуждающе покосился на приставучую бабенку и посоветовал ей нанять карету. Недалеко сиротливо стояла открытая коляска. Сонный кучер маялся от желания погрузиться в блаженную дрему, но я своим внезапным появлением нарушила его смиренный покой.

Ехали мы недолго. Красивый особняк показался в конце улицы и приковал к своей особе мое пристальное внимание.

– Здесь проживает Ее Сиятельство госпожа маркиза, – останавливаясь возле железных резных ворот, мягко произнес водитель.

Я протянула ему луидор.

– У меня нет сдачи, – гипнотизируя богатство, неожиданно свалившееся ему на плечи, побледнел кучер.

– И не надо, – наслаждаясь его неимоверной радостью, мило прошептала я.

– Спасибо, – надеясь поцеловать дающую руку, рванулся ко мне мужчина.

– Не стоит благодарности, это всего лишь чаевые, – улыбнулась я и легко спрыгнула со ступенек конемобиля.

– Чаевые? – икнул будущий жмурик.

Как же легко, имея деньги, сделать счастливым ближнего своего! Почему же олигархи и крутые предприниматели не помогают нуждающимся, ведь это так приятно?

Возле замка меня встретил вышколенный дворецкий и, почтительно выслушав, без слов проводил к хозяйке, которая этой ночью тоже не сомкнула воспаленных глаз. Обрадовавшись появлению «маркизы де Ламарт», бедная женщина горько разрыдалась на ее плече.

– Надеюсь, ты поживешь у меня, дорогая? – спросила она, умоляюще заглядывая в лицо самозванке.

– Хорошо, – не смея отказать несчастной, ласково проворковала я.

– Вечером мы отправимся в то место, где мне обещали помочь, – мстительно поджимая пухлые губки, всхлипнула Атенаиса.

– Идет, – согласилась я и обняла вздрагивающие худенькие плечики бывшей фаворитки.

День пролетел довольно быстро. Мы гуляли по саду, ели на изысканной посуде великолепные блюда и разоблачали неблагодарных мужчин. Я, опустив ненужные фантастические подробности, рассказывала ей о Сергее и Максе. Она вспоминала дворцовую жизнь, рождение маленького сына, которого отобрал всесильный отец и отдал на воспитание коварной Франсуазе де Монтенон.

Вечер подошел незаметно. Накинув на меня синий плащ, маркиза потащила свою гостью к ослепительно красивой карете, на которой две брошенные женщины прибыли к мрачному каменному дому с закрытыми ставнями.

«Похож на жилище Экили», – ежась от страха и отвращения, подумала я.

Высокий старик, страдающий косоглазием, встретил нас гробовым молчанием и также безмолвно повел в темную глубину большой комнаты.

– Если ты желаешь мне счастья, не говори ничего, – сверкая шальными очами, попросила новоявленная подруга.

Мне стало не по себе. Съежившись под угнетающим взглядом массивного старикана, я обреченно плюхнулась на небольшую скамейку, примостившуюся на выходе в коридор.

Недолго думая, прелестная Атенаиса низвергла с себя оборотительные одежды и, подбежав к приземистому ложу, выставленному на середину зала, растянулась на его отвратительной поверхности. Внезапно крик маленького ребенка

прорезал зловещую тишину затаившегося здания. Безумный дед, облачившийся в черную рясу, привычно схватил орущее дитя и неожиданно вонзил в него острый клинок искривленного кинжала. Темная кровь невинного существа моментально оросила пленительное тело покоящейся на лавке аристократки.

– Астарот, Асмодей и дружественные князья! – заорал убийца женоподобным голосом. – Я призываю вас принять в жертву этого ребенка, которого подношу вам с просьбой, чтобы король и дофин продолжали дружить со мной, чтобы меня почитали принцы и принцессы двора.

– Сюзанна, – позвали меня из темноты, – Сюзанна!

Я открыла глаза и тотчас пожалела об этом. Ужасная, покрытая лиловыми прожилками, физиономия палача склонилась над моей поверженной физической оболочкой и впиалась в нее безжизненным взглядом опустошенных глазниц.

– Я ручаюсь за госпожу де Ламарт, Гибург, – как ни в чем не бывало, щебетала уже одетая соучастница преступления, – она никому ничего не скажет!

– Свидетелей убивают, – хватаясь за рукоятку кинжала, не согласился с сообщницей злобный мокрушник.

– Не надо! – бросаясь к безумному сатанисту, отчаянно взвизгнула нежданная защитница.

Я взмахнула руками, чтобы преобразиться в легкое облачко и выпорхнуть из чудовищного человеческого жилища,

превращенного в кровавую бойню.

– Нет! – цепляясь за шею разъяренного деда, продолжала вопить легендарная фаворитка.

– Убью! – тщетно вырываясь из ее крепких объятий, рычал тот, кого нежные губки состоятельной клиентки называли Гибургом.

Лишь на мгновение неукротимая маркиза свалила упирающегося противника на пол, а сама тут же, словно голодная пиявка, намертво впилась в меня. И тогда неистовый вихрь подхватил нас и швырнул вверх. Мы благополучно прошли сквозь потолок и полетели навстречу судьбе, которая кому мать родная, а кому – злая мачеха.

Крутило так, что, казалось, внутренности выскочат из наших хрупких тел и разлетятся по океанам и континентам. Повергнутая в ужас, любовница средневекового монарха задрогавшим зверем озиралась по сторонам и негромко подвывала.

– Кто ты? – раздражающе хныкала она и еще теснее прижималась ко мне.

– Алиса Смирнова, – сдалась я и постаралась не опрокинуться вниз головой.

Описав приличный круг, струя ошалевшего воздуха внезапно швырнула нас назад, словно решила доставить на место преступления.

– Не хочу в лапы к Гибургу, – пискнула я и плюхнулась

на маркизу.

– Ты – ведьма? – послушно укладываясь на спину, проорала перепуганная спутница.

Темная полоска земли показалась на горизонте.

– Расшибемся! – по-змеиному извиваясь, заверещала высокопоставленная особа.

Но не успела я напыщенно изречь, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, как что-то твердое больно вонзилось в спину, и бешеный полет прекратился.

Мы возлежали возле высокого каменного забора, а на другой стороне улицы древний, незнакомой марки, автобус гостеприимно раскрывал двери, приглашая пассажиров в уютный салон.

– Что это? – икнула путешественница, указывая испачканным в луже пальчиком на невиданное ею ранее транспортное средство.

– Карета, – буркнула я, отчаянно соображая, куда же мы все-таки угодили.

Статный мужчина в форме военнослужащего Советского Союза старого образца медленно отделился от глухой серой стены двухэтажного здания и нерешительно подошел к валяющимся на грязном асфальте дамам, чтобы подать им свою надежную руку.

– Вы из цирка? – подвергая скрупулезному анализу наши чумазые физиономии, подозрительно изрек он.

– А где лошади? – высокомерно игнорируя неизвестно-

го представителя недостойной черни, на чистейшем русском языке деловито осведомила французенка.

Мужик растерянно поискал глазами благородных животных, но не нашел их, а потому принял решение незамедлительно продолжить допрос:

– Из театра? – состряпав из тонких губ некачественную улыбку, поинтересовался любопытный военный.

– Что за глупости болтает этот плебей? – прекратив икать, маркиза презрительно оглядела незамысловатую, без самоцветов, форму пристава.

– Я – полковник! – покраснев до кончиков волос, обиделся обладатель умопомрачительных галифе.

– Не ври! – хихикнула парижанка и, чихая, забавно сморщила хорошенький носик.

Хватаясь обеими руками за огромный баул, мимо протопала истощенная гражданка, выряженная по моде довоенных или послевоенных лет.

– Маркиза, куда мы попали? – обозревая великий советский народ, завопила недорезанная дворянка. – Грязь, вонь, серость! Что за платье надето на мадам?

– Маркиза? – заинтриговано переспросил полковник. – Мадам?

Мало-помалу любознательный невыездной люд сгруппировался подле диковинных эксцентричных дамочек в ярких театральных одеждах.

– Это Татьяна Окуневская, – зашептал рыжеволосый мо-

лодой человек скорбной девушке с комсомольским значком на груди.

– Нет, Зоя Федорова, – предположил подросток с авоськой через плечо.

– Бросьте, Любовь Орлова, – фыркнула старушка с низенькой коляской, в которой заливался упорным плачем будущий строитель коммунизма.

– Товарищи, разойдитесь! Гражданки пройдут со мной! – заволновался забытый обществом офицер.

– Пошли, – покрываясь мурашками, невежливо рванула я дурочку, при виде всеобщего внимания принявшую обвожирительную позу бывалой куртизанки.

Приземистый серый дом встретил залетных птичек весьма настороженно. Невысокий лысоватый мужчина в старомодном пенсне спешно вылетел нам навстречу.

– Здравствуйте, – с неподдельным интересом ощупывая острыми зрачками средневековые одежды странных теток, хрипловато произнес он, – давайте знакомиться.

– Сначала представьтесь сами, сударь, – самовольно усаживаясь в кожаное кресло, капризно протянула бывшая фаворитка несуществующего уже короля.

– Разве есть человек в стране, не знающий Лаврентия Павловича Берию? – удивился настоящий полковник.

Я поперхнулась слюной, закашлялась и лихорадочно начала заглатывать тяжелый воздух неудобной длинной комнаты.

– Вы – правитель этого государства? – обрадовалась глупая француженка.

– Почти, – с важностью нахохлился именитый член Политбюро ЦК ВКП (б).

– И какой чин имеет такой приятный господин? – кокетливо поправляя прическу, справилась неугомонная маркиза.

При слове «господин» Берия скорчил невообразимую рожицу и стал походить на недовольную обезьянку:

– Маршал, мgm, Председатель Совета Министров, министр внутренних дел, герой ..., – тем не менее начал перечислять он.

– Герой! – ахнув, подпрыгнула в кресле де Монтеспан. – А вы женаты, герой?

– Да, – почему-то застыдился почти правитель, – но хотел бы поближе узнать таких красивых женщин.

– Как это – поближе? – пропищала я и спряталась за изящную фигуру любительницы сатанинских заклинаний.

– Товарищ Сталин учит нас быть бдительными, – с восточным акцентом торжественно, словно клятву, продекларировало доверенное лицо Иосифа Виссарионовича.

– Монарх? – хватаясь за левую, вымазанную в грязи, грудь, томно простонала Атенаиса.

– Почти, – наслаждаясь восторгом любопытной красотки, с готовностью подтвердил Берия.

– Сделайте милость, познакомьте меня с почти королем, – осветилась улыбкой светской львицы сообщница детоубий-

цы.

– В семье есть арестованные? – внезапно насупился Лаврентий Павлович.

– Нет, – быстро отреагировала эксплуататорша, словно всю жизнь ждала этого коварного вопроса.

– Отлично! – потирая руки, зардовался хозяин дома. – И так, как зовут мою загадочную гостью? Кто она?

– Анастасия Минасян, артистка театра из Еревана, – наступая на кончик туфельки предприимчивой дворянки, громко отчеканила я.

– Армянка? Соседка по Кавказу! – еще больше зардовался герой Советского Союза. – Вы – полукровка, красавица?

– Да, – пока Атенаиса раздумывала над лживыми словами диковинной Сюзанны де Ламарт, поспешила ответить я.

– Прекрасно! – заявил министр внутренних дел. – Приглашаю вас к себе на ужин.

Глава 9. Арест

– Почему ты скрыла от маршала, что я аристократка? – спросила меня новоявленная Анастасия Минасян, оставшись без мужского общества. – И что такое – армянка?

Ничего себе! Она не знает о такой древней национальности!

– Дворянское звание, то же самое, что и маркиза, – усмехнулась я, натягивая на себя платье, сшитое по выкройкам первой половины двадцатого века.

– Разве армянка может быть комедианткой? Какое уродство! – брезгливо сморщила носик Атенаиса, с ужасом оглядывая в зеркале суровый костюм бесполой комсомолки на своем соблазнительном теле.

Молчаливая горничная надзирала за нами и кривила губы в ядовитой ухмылке.

– В этой стране быть актрисой очень почетно, дорогая. Были времена, и во французском государстве сам Людовик не брезговал дружбой с Мольером, – передергиваясь от клейкого взгляда шпионки, назидательно изрекла я.

– Жан Батист не простой комедиант. Он – великий сочинитель и директор труппы герцога Орлеанского, – обиделась непродвинутая монархистка.

«Господь дал людям пару ушей и один рот, а из этого следует, что человек разумный должен в два раза больше слу-

шать, чем болтать», – замечая, как озабоченная прислуга внезапно засуетилась и схватила швабру, чтобы самозабвенно поводить ею по чистейшему полу, подумала я.

«Ну и ладно, – самонадеянно отмахнулась я от назойливости советской служанки, – главное, социалистические власти помогли путешествующим маркизам приобрести современную одежду, сдав ювелиру маленькое золотое колечко мадемуазель Ламарт. А в этих платьях мы сможем благополучно избежать нежелательных интиндентов, когда смоемся из лап органов».

– Его Величество Товарищ Сталин приедет на бал к министру? – заталкивая снятые драгоценности за лиф и стараясь придать кокетливый вид суровому пролетарскому одеянию, томно поинтересовалась Монтеспан. – У почти короля есть жена?

– Наверное, уже умерла, – наблюдая недоумение, вспыхнувшее в глазах вероломной поломойки, сообщила я. – Не вынесла бремени славы.

– Глупая женщина! – неожиданно оживилась Атенаиса. – А Товарищ красивый?

– В общем-то, да, – облизала пересохшие губы я. – Может быть, полетим домой?

– Что ты, что ты! – энергично затрясла роскошной гривой предприимчивая маркиза. – У меня снова появился шанс стать королевой!

Ужин подали в большой уютной гостиной. Прелестная супруга Берии Нина Теймуразовна с истинно грузинским гостеприимством старалась угодить незнакомым «актрисам», хотя и не имела чести лицезреть их ни в одном театре Москвы.

Лаврентий Павлович не поддерживал разговора и о чем-то напряженно думал, искоса поглядывая на странных, свалившихся ему на голову, экзотических теток.

Вдруг запыхавшийся военнослужащий влетел в комнату и истошно заорал, прикладывая рабоче-крестьянскую руку к козырьку мрачной фуражки:

– Приехал сам товарищ Сталин!

«Мадам крупно повезло», – обзревая мгновенно покрасневшую парижанку, с тоской подумала я.

Никогда и не мечтала увидеть отца всех народов рядом с собой за одним столом. Он вошел в жилище Председателя Совета Министров, словно в родной дом, уселся на почетное место и, весело взглянув на незнакомок, поднял тост:

– За прекрасных дам!

– Благодарю. Ваше Величество Товарищ очень любезен, – грациозно поправляя буржуазные локоны, жеманно улыбнулась Атенаиса.

– Кто вы? – уточнил Сталин, прищуривая хитрые глаза на дерзкую женщину с золотыми волосами.

– Армянка, – принимая соблазнительную позу, проворковала она. – Армянка Атенаиса де Монтеспан.

– Кто? – бросая подозрительный взгляд на Героя Социалистического Труда, переспросил доблестный вождь.

– Нина, подай мне воды, – отчаянно икая, простонал член Политбюро.

– Настенька вошла в роль, – решительно вмешалась я, толкая под столом распоясавшуюся фаворитку ногой, обутой в туфлю, по сравнению с которой обувь фабрики «Скороход» показалась бы потребителю самым совершенством.

– Анастасия Минасян, сир, – покрываясь нежным румянцем, запоздало поправилась сатанистка.

– А как зовут тебя? – усмехнулся «сир», тыкая пальцем в мою голову.

– Алиса Смирнова, – призналась я, искренне надеясь, что не успею угодить в тюрьму как неблагонадежная, так как сумею вовремя улететь из сороковых годов. Но куда деть излишне инициативную француженку? Взвалить на шею и тащить в семнадцатый век, чтобы вкупе с мерзким стариком убивала чьих-то детей?

– Тоже комедийная артистка? Или только учишься? – продолжал допытываться Сталин.

– Она – армянка! – с великосветскими ужимками возмущалась гостья из средневековья.

– Луиза де Лавальер? – рассмеялся Иосиф Виссарионович, показывая неплохое знание истории французского королевства.

– Государь знаком с ней? – бледнея, ахнула завистница. –

Ему нравятся хромые женщины?

– А как же, – уже вовсю хохотал вождь народов.

– Извините, мы устали и пойдем домой, – вскакивая с кожаного стула, пролепетала я.

– На улице темно, ночуйте у нас, – предложила сердобольная хозяйка.

– Спасибо, – принимая решение не бросать маркизу на произвол судьбы, поклонилась я Нине Теймуразовне.

Знакомая прислуга засеменила впереди, показывая гостям дорогу в их комнату.

Аскетическая обстановка двухместной спальни привела Атенаису в ужас, и она наотрез отказалась лечь на узкую железную кровать.

– Ну и сиди в кресле, – проворчала я, расправляя постель, чтобы упасть в нее и забыться тяжелым сном.

Впрочем, можно было бы полететь домой. Но куда унесет нас лихой ветер в столь поздний час? По крайней мере, этой ночью у нас есть крыша над головой!

«Что сейчас делают мои детки»? – успела подумать я и мгновенно заснула.

– Встать! – прогремел над ухом мощный рокочущий бас.

Возле кресла с почивающей фавориткой французского короля стоял русский простолудин и настырно дергал ее за руку.

– И ты тоже! – прогундосил он, сбрасывая с меня тонкое,

повидавшее виды, шерстяное одеяло.

Включили электрический свет, на который непродвинутая жительница средневековья прореагировала исступленным визгом, разбудившим, наверное, всю округу.

– Что это? – орала она, показывая на сияющую лампочку Ильича.

– Гражданка – ненормальная? – покрутил корявым указательным пальцем возле виска один из страдающих бессонницей фанатов классовой борьбы.

– Признавайтесь, вы – французские шпионки? – настаивал душераздирающий бас.

– Я подам прошение Его Величеству Товарищу, – гордо выпрямившись, презрительно сообщила Монтеспан, неосмотрительно отправляя любопытные для окружающих сокровища под кружевной буржуазный лифчик.

– Какому? – провожая загоревшимися глазами нервное движение врага народа, съехидничал уса́тый солдафон.

– Подождите, – прозвучал знакомый голос, и заместитель Председателя Совета Министров СССР материализовался среди бесстыдно глазающих на нас мужиков.

– Сударь, спасите бедную маркизу, – хватаясь за кисть Берии, внезапно зарыдала «Минасьян». – Людовик щедро отблагодарит вас. Помните, я – его фаворитка!

– Пишите, – повелительно бросил Лаврентий Павлович плюгавенькому солдатику, подавая ему блокнот и чернила с перьевой ручкой.

– Так чья вы любовница? – присаживаясь на стул и подкладывая под бумагу толстую книгу в сиреновом переплете, заинтересовался грамотный революционер.

– И. Сталин. Институт Маркса, Энгельса, Ленина. Том 3, – невольно прочитала я на обложке.

– Людовика Четырнадцатого, – пытаюсь придать расстроенному лицу высокомерное выражение, хлопнула носом аристократка.

– Имя – английское, а вот фамилие у ейного ухажера еврейское, – пролепетал молоденький пацанчик в военной одежде.

– Ясно, троцкистка, – поддержал товарища крепкий мужик, держащий в перчатках самый настоящий револьвер.

– Имена, явки? – заговорчески подмигивая маркизе, ласково прошептал писарь.

– Чьи? – недоуменно оглядываясь по сторонам, опешила Атенаиса.

– Отстаньте от бедной девушки, – неожиданно для самой себя разозлилась я и бросилась отталкивать от нее стадо любопытных баранов.

– Тащите теток в машину, – внезапно приказал Берия, – на Лубянку их.

Четыре кровати в крохотной сырой каморке. Рыдающая маркиза, обхватившая голову ладонями. Капающая вода в параше. По моим сведениям, грязный, пожелтевший от времени унитаз в темнице называется именно так.

Пора улетать! Но куда занесет нас лукавый ветер?

– Нам отрубят головы? – громко стонет Атенаиса. – Когда нам отрубят головы? И за что? Старый король Товарищ – очень жестокий монарх. А этот, его министр, просто чудовище! Помоги мне, Сюзанна, ведь ты же ведьма!

– Иди ко мне, – забывая про детоубийство, ласково подзвала я бедняжку, – обними свою подругу покрепче.

Де Монтеспан стремительно вскочила с ложа и судорожно задушила меня в объятиях. Я взмахнула руками, но тело не желало становиться легче от отчаянных взмахов отяжелевших кистей.

– Ты что, курица, взлететь собралась? – открылась железная дверь, и, гадко ухмыляясь, маленький солдатик ввалился в наши владения, так не похожие на величественные покои фамильных замков. – На допрос!

Покорно заложив руки за спину, я нехотя поплелась впереди плюгавенького мужичка, словно настоящая заключенная или актриса, играющая роль матерой преступницы.

В плохо освещенной комнатке за старым столом сидел худощавый офицер и что-то писал. Услышав приближающиеся шаги, он поднял голову, и я вскрикнула от неожиданности. Передо мной собственной персоной сидел отец моего папы. Огромные голубые глаза, красивое лицо и тело я унаследовала именно от него.

– Как вас зовут? – спросил дедушка, бросая усталый взгляд на очумевшую от сюрприза внучку.

– Алиса Лазарева, – превозмогая желание броситься ему на шею, пролепетала я.

Он вздрогнул и склонился над листами бумаги.

– Дадите показания о вашей контрреволюционной деятельности? – хватая картонную папку, привычно отчеканил близкий родственник.

– Нет. Никогда не делала никому зла, – невольно любуясь внешностью очаровательного тюремщика, с гордостью объявила я.

– Вы дружите с самозванкой, еврейкой, гражданкой враждебного молодой советской республике капиталистического государства? – взмахнув пышными девчоночьими ресницами, уточнил любимый дедуля.

– Она – француженка, то есть, армянка, – подсчитывая, сколько же лет сейчас моему малолетнему папочке, невнятно проямлила я.

– Так француженка или армянка? Алиса или Сюзанна? Смирнова или Лазарева? – пламенея революционным цветом, поморщился недоверчивый чекист.

– Ее мама до переворота проживала во Франции, а папа в Армении, – вранье начинало меня забавлять.

– А в настоящее время где живут родители Минасьян? – игнорируя блаженную улыбку арестантки, прищурился мой бравый пращур.

– В Томской области, – зачем-то вякнула я.

– Вы – шпионки коварного империализма? – поднял ши-

карные брови не в меру подозрительный предок.

– Упаси Боже! – выразительно пожала плечами я.

– Верите в бога? – прищурился товарищ следователь.

– Как же можно в Него не верить? – вздохнула я и вспомнила древнюю Иудею.

– Партийная?

Нет бы лучше спросил о своих правнуках!

– Ни в коем случае.

Утомившись, дедуля глубоко вздохнул, записал что-то в блокноте и махнул рукой. Конвоир поднял ружье и кивком пригласил меня на выход.

– Андрей Иванович, – задержавшись на минуту, попросила я гражданина начальника, – не допрашивайте мою подругу, она не в себе.

– Тебе знакомо мое имя? – стрельнув быстрыми глазами в солдата, удивился предок.

– Наслышана о вашей смелости и отваге, – льстиво зашептала я. – И о жене тоже. И о сыне Мишеньке.

– Что ты знаешь о моих близких? – перепугался Лазарев.

– Многое, – неосмотрительно игнорируя застывшего тюремщика, интригуяюще усмехнулась я.

– Говоришь, подруга не в себе? – зачем-то понизил голос папин папа.

– Ее недавно выписали из психбольницы, – подражая товарищу следователю, заговорчески зашептала я.

Он взметнул брови и закашлялся. Крохотный мужичок

чем-то твердым толкнул меня в спину, и, сгорая от унижения, я поплелась в сырую, глубоко равнодушную к судьбам заключенных, камеру.

Атенаиса ждала меня с нетерпением.

– Нас отпустят? – тихо молвила она чересчур бледными губами, давно потерявшими краски молодости.

– Вряд ли, – потрясенная до глубины души тем, что в карающей организации работает мой родной дед, я без сил упала на жесткое ложе.

Глава 10. Атембуй

Маркизу на допрос не вызвали. Ближе к обеду открылась дверь, и зашел веселый Берия. Он прислонился к стене и заговорил своим хриплым, с кавказским акцентом, голосом:

– Могу освободить обворожительных девушек, но с одним условием: вы станете моими любовницами.

– Согласна, сударь, – проворно вскакивая с нар, оживилась Атенаиса.

Да уж, фаворитка – она везде фаворитка!

– А вы, Алиса Смирнова? Или Лазарева? – хитро прищурился министр внутренних дел.

– Нет, ни за что! – чувствуя тошноту от одного только вида Героя Советского Союза, возмущенно отчеканила я.

– В таком случае, счастливо оставаться, генацвале! – хихикнул Лаврентий Павлович.

Он подхватил под локоть ликующую француженку и торжественно вывел ее из темницы. Отчаянно помахав руками, я поняла, что пропала. Мадим не прилетит, чтобы спасти бывшую возлюбленную, Карлос понятия не имеет, где его несчастная подруга.

В камере с прохудившегося бачка в облезлый унитаз капала вода, за окном звенело лето и переливалось всеми цветами радуги, а я находилась в вакууме между этим бачком и этим летом – в гордом одиночестве.

Темнело. Внезапно, на фоне полнейшей тишины в замочной скважине повернулся ключ. Крадущейся походкой дикой кошки прошагал к нам высокий человек в военной одежде. Полумрак скрывал его лицо.

– Алиса, – проговорил он, присаживаясь на самый краешек драного тюфяка, – вот, не смог спокойно уйти домой. Что-то знакомое и родное есть в твоём лице, что-то заставляет сжиматься сердце. Кто ты?

– Ваша внучка, гражданин Лазарев, – слизывая непрошенные слезы со своих губ, всхлипнула я.

– «Дочка» моего шестнадцатилетнего Мишки тоже сбежала из психушки? – осуждающе покачал головой дед.

– Мне рассказывала бабушка Ольга Дмитриевна, что жила с мужем в Москве, и работал ее супруг в органах..., – вспоминая любимую бабулю, мечтательно произнесла я.

– Так он защищал социалистическую Родину, – вздрогнул невозмутимый пращур.

– Убивая невиновных? – язвительно уточнила я.

– Шпионов и ярых контрреволюционеров ты называешь невиновными?

– Оглянитесь вокруг, – набравшись духу, я пристально посмотрела в его честные, ничего не понимающие глаза. – Вы воюете с обычными людьми! Второго моего дедушку, Анто́на Трофимовича, в тридцать седьмом году расстреляли без суда и следствия, как врага народа, оставив мамину маму, Наталью Васильевну, с тремя дочерьми и сыном без средств

к существованию. А потом, когда дети «врага народа» прошли все муки ада на советской земле, «шпиона» и «контрреволюционера» реабилитировали. Посмертно. Это сделали вы, ваша любимая «народная» власть.

– Мы дали пролетариату и крестьянству хлеб, кров, свободу и равенство! – передернул плечами гражданин начальник.

– Антон Трофимович не принадлежал к дворянству! – горячо продолжила я. – А если говорить о равенстве и продуктах питания....

– Ты опасна для Советской Власти! – простонал любимый дедуля.

– Пожалуйста, стреляйте! – с горечью заявила я. – Если вы смогли засадить за решетку Калинину, Буденную, Молотову....

– Замолчи, – косясь на железную дверь, жалобно попросил Андрей Иванович. – Лучше расскажи о себе.

– Наши бедные родители не имели отцов, а потому папа с мамой не получили приличного образования, – думая о нищете, преследующей мое детство, тяжело вздохнула я. – А у нас с Жанкой не было бабушек и дедушек.

– Кто такая Жанка? – насторожился пламенный революционер.

– Моя сестра, – сглотнула слюну я. – Ольга Дмитриевна не надолго пережила боготворимого мужа. Вы умерли до моего рождения.

Я видела, как вздрогнул мой молодой дед, я видела, как задрожали его красивые пальцы (мои пальцы), а потом он встал и устало прислонился к осклизлой стене.

— Когда ты родилась? — оторопело вглядываясь в лицо необычной рассказчицы, с ужасом прошептал товарищ следователь.

— В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, — с вызовом произнесла я. — Возраст — понятие растяжимое. Такое же, как и время.

— Не может быть! — прикладывая руку к сердцу, невнятно пробормотал он.

— Может! Все на свете может быть, — с состраданием наблюдая за произвольным жестом смертника, еле слышно обронила я.

— Я не марал своих рук чужой кровью, Алиса, — отмирая, он подошел к двери и открыл ее, чтобы попытаться уйти навсегда из моей жизни.

— Дедушка, — позвала я его согбенную спину, — дедушка, я так похожа на вас, а моя сестра — вылитый Антон Трофимович.

Ночь я посвятила думам. Сколько бед свалилось на меня за сравнительно короткое время, сколько испытаний преподнесла жизнь! Изредка я махала руками, но они не превращались в крылья, чтобы унести свободолюбивую птичку из темницы на вольную волюшку. Остались в далеком про-

шлом дети и внуки, мужа и замки, семнадцатый и двадцать первый века.

– Встать! – прозвучал над ухом чей-то злой окрик.

Мужик с резкими патриотическими чертами лица, напоминающий фигуру из революционного барельефа, возвышался на фоне стены и чрезвычайно злился.

Господи, неужели я все-же заснула?

– Тебя вызывают на допрос! – продолжал орать пролетарий, переквалифицирующийся в карателя. – Руки за спину!

Вздыхнув, я повиновалась. Смахивающий на медведя чекист, выставив вперед винтовку, провел меня по гулким бесконечным коридорам и распахнул передо мной массивную дверь. Мы оказались в маленьком тамбуре, за которым появился просторный кабинет с долгим Т-образным столом, огромным креслом и портретом дедушки Ленина над ним. Возле одной из стен кабинета прилепился бюст Дзержинского, в углу робко пристроился буржуазный камин. Поставив предложенный невольнице стул подле трепещущего огня, чекист испарился.

– Сюзанна, – словно из другого измерения раздался хрипловатый знакомый голос с кавказским акцентом, – Сюзанна!

Я вздрогнула и оглянулась. Передо мной возвышался Берия.

– У тебя в камере был следователь Лазарев? – без предисловий, ласково поинтересовался он. – И о чем же вы говорили?

– О свободе, равенстве и братстве, Лаврентий Павлович, – неожиданно вспоминая дипломатичного Альфа, ласково промурлыкала я.

– Чьей свободе? – вальяжно усаживаясь в кожаное кресло, оживился Герой Советского Союза.

– Конечно, пролетариата и крестьянства, – угодливо заглядывая во все подозревающие очи министра внутренних дел, обворожительно улыбнулась я.

– Ты предлагала ему вступить в преступный сговор? – глаза маршала излучали понимание и любовь.

– Что? – не поняла я.

– Можешь не скрывать свою биографию, девочка, – томно протянул именитый собеседник. – Анастасия Минасьян рассказала о тебе все, маркиза Сюзанна де Ламарт.

– И о том, что она – бывшая любовница Людовика Четырнадцатого? – поражаясь проникновенному тону революционной звезды, опешила я.

– Видимо, на этот счет армянка все-таки пошутила, – неожиданно поморщился Лаврентий Павлович.

– Хорошо, генацвале, я с охотой поведаю вам мою грустную историю, – с удовольствием наблюдая его замешательство, нервно расхохоталась я. – Великий Повелитель Стихий вероломно бросил свою возлюбленную на произвол судьбы, но добрый домовый не дал ей отчаяться. Он при содействии демона Астарота унес женщину в средневековый замок, откуда мы с фавориткой французского монарха притащились

сюда, чтобы узнать главную тайну мальчишей: как же все-таки победить их проклятым буржуинам?

– Ты издеваешься! – подскочил член Политбюро.

– Ничуть, – продолжала визжать я. – Хочу вам доложить, что следователь Лазарев – весьма сомнительный тип. Он не пожелал поверить, что особа из семнадцатого столетия – его родная внучка.

– Молчать! – побагровел инквизитор и залепил мне звонкую пощечину.

Два накачанных орангутанга мгновенно материализовались рядом со своим кумиром. Один из них заломил мне руки за пояс, а другой, стащив со стула, стал хлестать по спине и ягодицам солдатским ремнем. Было больно, но я не кричала, так как знала, что кричать бесполезно. Пока не израсходуют отрицательную энергию, не остановятся. Наблюдая покорность жертвы, Берия удовлетворенно потирал руки и желчно похихикивал. Наконец, истязатели устали.

– Итак, о чем вы говорили с Лазаревым? – как ни в чем не бывало, проворковал член Политбюро. – Он связан с националистами? Впрочем, подумай до утра. Если завтра не расскажешь о готовящемся преступлении, будем пытаться железным кольцом и ванной с кислотами, а потом расстреляем, как шпионку гнивающего империализма.

– Очень приятно, – с горечью вспоминая пламенные революционные речи любимого дедушки, я проглотила предательские слезы.

Меня схватили и потащили назад, в темную, сырую камеру, в которой провели последние ночи перед переселением в мир иной многочисленные ни в чем не повинные души. Яростно хлопнув дверью, палачи удалились. И снова я осталась одна, истерзанная и приговоренная к смерти.

– Ты не умрешь, – прошептал кто-то совсем рядом.

Не веря своим ушам, я обернулась, чтобы увидеть милого сердцу Карлоса, но в проеме зарешеченного окна маячил Астарот в неизменном длинном черном плаще.

– Вы? – начиная надеяться на чудо, глупо уточнила я.

– Прости, не успел спасти тебя от побоев, – с негодованием разглядывая мою окровавленную фигуру, нахмурился демон.

– Разве темные силы помогают простым людям? – стараясь не концентрировать внимание на острой боли, усмехнулась я.

– Помогают, если уважают их. Тем более, я пообещал Христу, – смутился князь Тьмы.

– Иисусу? – не поверила я. – Зло должно восхищаться злом! Культom личности, например.

– Должно? – напрягся родовитый пришелец. – И по чьему приказу?

– По законам....

Что я болтаю? Разве можно так разговаривать с освободителем?

– По законам? По чьим законам?

– Вселенной, наверное, – успокаиваясь, пожала плечами я.

– Революцию силы Тьмы, а не Зла, как называете нас вы, люди, встретили с радостью, – дотрагиваясь пульсирующими пальцами до моих ран, печально проговорил слуга дьявола. – Гордые, честные, бескомпромиссные большевики, которыми мы искренне восхищались, отдававшие за счастье народа до последней капли свою кровь, справедливо протестовали против существующего тоталитарного строя. Владыка Ночи тоже когда-то восстал и создал свое государство, не подвластное никому, кроме него. Независимые борцы за свободу рушили ханжеские церкви и сжигали тщеславные иконы, ставя на надлежащее место нашего могущественного противника, возмнившего себя единственным Богом. Воинствующие атеисты, мечтающие о всеобщем равенстве и братстве, строго-настрого запретили физическим телам верить в то, что у них есть души. Лишенные духовности, ходячие трупы, поправ честь и достоинство, стали стабильно грешить. А так как наши сотрудники испытывали определенные трудности с призывом рекрутов в Ад, Сатана вначале потворствовал разгулу безбожия....

– Почему – вначале? – озадаченно перебила я высококвалифицированного оратора.

– Сейчас адовы подвалы переполнены, подчиненные великого Короля Тьмы не успевают предоставлять грешникам

помещения, достойные их земных дел и помыслов...

– Зато у ваших пролетариев есть интересная работа и занимательное общение! – снова съехидничала я.

– Поверь, общение с лжецами, клеветниками, эгоистами, убийцами, развратниками и ворами не приносит удовольствия, – не замечая моей иронии, уныло откликнулся демон. – Но труднее всего нам приходится с придурковатыми террористами! Самоубийство и убийство, помноженное на число жертв, – такие грехи не дают пропуск даже на нижний этаж Ада! Приходится придумывать для них нечто особенное.

– Что именно? – вспоминая ненавистную адову яму, ужаснулась я. – Разве может быть что-либо хуже холодной сырой пропасти, наштигованной под завязку тараканами и пауками?

И тогда послышались вкрадчивые шаги моих земных мучителей.

– Летим, – подхватывая меня под мышки, скомандовал Астарот, – летим, договорим потом.

Тягучий поток ледяного воздуха с механическим ревом высосал нас из мерзкой камеры. Казалось, включился гигантский пылесос, призванный неведомыми силами очистить физический мир от всего живого.

– Страшно, – барахтаясь в цепких руках избавителя, прошептала я, – холодно и больно.

– Потерпи, – властно вжал меня в свое тело злой дух, – по-

терпи немного. Сдерни с моих плеч плащ и закутайся в него.

– А вы? – обескураженная его самоотверженностью, ахнула я.

– Слуги Сатаны не чувствуют мороза, – отмахнулся от моей признательности князь Тьмы.

Завыл северный ветер и с силой взметнул беглецов к потерявшимся звездам, которые испуганно погасли только от одного повелительного взгляда могущественного слуги дьявола, а затем небрежно швырнул вниз, на темное полотно безжизненной равнины, где кое-где просматривались тусклые окна, да высокие здания поднимали свои мертвые стены до черных облаков.

Коснувшись затекшими ногами скрипучего снежного покрова будто застывшего незнакомого города, я содрогнулась от чувства безысходности и отчаяния. Странно, неведомый мегаполис внушал мне безотчетный страх.

– Где мы? – поеживаясь от озноба, пролепетала я.

– В Атембуе, – усмехнулся злой дух. – Пойдем за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.